

ly
хуа

В ДОЛИНЕ
ЛОТОСОВ

Гу Хуа В долине Лотосов

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153233

Гу Хуа «В Долине лотосов»: *Радуга*; Москва; 1986

Аннотация

Гу Хуа – представитель нового поколения китайских писателей, продолжающий реалистические традиции в духе лучших произведений Лао Шэ и Чжао Шули. Его роман «В Долине лотосов» в 1982 году получил премию Мао Дуня и вошел в китайскую литературу как социально острое и колоритное произведение о жизни китайской деревни на протяжении более чем двадцати лет.

На фоне драматических событий жизни главной героини автор воссоздает атмосферу духовного гнета и демагогии периода «культурной революции».

Содержание

Часть I. Картинки из жизни горного села (1963 г.)	4
Глава 1. Природа и люди	4
Глава 2. Заведующая	9
Глава 3. Маньгэн и Лотос	13
Глава 4. Хозяин висячей башни	19
Глава 5. «Пиршества духа» и «Посиделки»	23
Глава 6. Помешанный ЦВУМ	28
Глава 7. Солдат с севера	33
Часть II. Обитатели горного села (1964 г.)	38
Глава 1. Четвертая постройка	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гу Хуа

В Долине лотосов

Часть I. Картинки из жизни горного села (1963 г.)

Глава 1. Природа и люди

Село Фужунчжэнь – Лотосы – раскинулось в небольшой, но известной долине, где сходятся границы сразу трех провинций: Хунань, Гуандун и Гуйчжоу. Здесь, среди гор Улиншань – Пяти краев, издавна останавливались торговые люди, собирались герои и разбойники, происходили ожесточенные сражения. По одну сторону от села течет река, по другую – горный ручей, чуть ниже впадающий в эту реку, так что село с трех сторон окружено водой и стоит будто на длинном полуострове. На юг через реку пролегает путь в Гуандун; на запад, через каменный мост над ручьем, тянется дорога в провинцию Гуанси.

Не знаю уж, в какие времена местные правители – то ли желая продемонстрировать свою гуманность, то ли мечтая войти в историю – повелели посадить несколько черенков древесного лотоса,¹ и с тех пор он покрыл здесь все берега, став главным украшением села. Более того, по приказу правителей крестьяне выкопали под горой запруду, посадили водяные лотосы и развели рыбу, превратив запруду в нечто подобное чиновничьему подсобному хозяйству, где и семена лотоса, и его корни – все шло в пищу. Каждый раз, когда в запруде расцветают водяные лотосы, а на берегах – древесные, долина, окруженная горами, кажется самым богатым краем на свете.

Из древесного лотоса – его корней, стеблей, цветов, кожуры – делают преимущественно лекарства; у водяных лотосов находят применение даже огромные, похожие на позеленевшие медные гонги листья: на них отдыхают стрекозы, лягушки, скапливается красивая, словно прозрачные жемчужины, роса. Носильщики в дороге подогревают на этих листьях еду, торговцы или женщины, спешащие на базар, прикрывают ими свои бамбуковые корзинки, а крупные лягушки, называемые бычьими, не только восседают на листьях лотоса, но и скрываются под ними от жары, как под соломенными шляпами. В общем, все пользуются лотосами, и каждый по-своему. Не мудрено, что река здесь называется Лотосовой, ручей – Ручьем нефритовых листьев, а село – Лотосы. Село это, по здешним понятиям, не очень велико: десять с небольшим лавок да несколько десятков домов, вытянувшихся вдоль улицы, мощенной темными каменными плитами. Дома стоят так тесно, что если в одной семье варят собачатину, то запах стоит по всей улице. Если чей-то ребенок споткнулся, выбил зуб или разбил чашку, то об этом моментально узнают все. Я уже не говорю о ссорах между супругами или о разговорах соседей – главной пище для сплетен, насмешек и пересудов. Все страшно возбуждается, бегают по селу, жалуются друг на друга, дают советы и долго не могут уgomониться – совсем как стая переполошившихся уток. Когда день не базарный, то со всех этажей хозяйки высовывают из окон длинные бамбуковые шесты и сушат на них всевозможные рубахи, штаны, юбки, одеяла и прочее. Ветер с гор картинно развеивает эти разноцветные «флаги всех стран», а рядом, под каждой стрехой, висят связки красного перца,

¹ Так его осмысливают и именуют в Китае, а научное название этого растения – гибискус. Оно принадлежит к семейству мальвовых и может существовать в виде дерева, кустарника или травы. Цветы у него обычно крупные, ярко окрашенные. Из древесных видов гибискуса наиболее известны китайская роза (кленок) и сирийский гибискус, культивируемый также в Крыму, на Кавказе и в Средней Азии. – Здесь и далее прим. перев.

желтых кукурузных початков, бело-зеленых тыкв-горлянок... Под ними снуют и кудахчут куры, лают собаки, мяукают кошки – в общем, жизнь бьет ключом.

У жителей села есть привычка угощать друг друга. А поводов для таких угощений в году полно: в третий день третьего месяца по лунному календарю, в день поминовения усопших, пекут расписные пряники; в восьмой день четвертого месяца варят на пару мясо с рисом; в пятый день пятого месяца, во время праздника начала лета, лепят сладкие пирожки из клейкого риса и пьют желтую полынную настойку; в шестой день шестого месяца снимают ранние огурцы и «грушевые тыквы»; в седьмой день седьмого месяца пробуют ранний рис; в восьмом месяце, в праздник осени, пекут «лунные пряники»; в девятом месяце, во время осеннего равноденствия, собирают хурму; в десятом, называемом «месяцем золотой осени», устраивают свадьбы; в восьмой день последнего месяца варят «рисовую кашу с восемью бобами», а в двадцать третий день провожают на небо Цзаована – бога домашнего очага... И хотя во всех семьях набор продуктов почти один и тот же, каждая хозяйка непременно положит в кушанье что-нибудь свое, да и приготовит его по-своему, так что разница все-таки есть. Получается нечто вроде кулинарного конкурса, на котором самое приятное – похвала соседей. Да и в обычные дни, приготовив что-нибудь вкусное – скажем, мясной суп из голов или ножек, – сельчане обязательно угощают соседских детишек. Те торжественно несут добычу в свой дом, дают попробовать родителям, а потом мать с ребенком идут к соседке посидеть и поговорить. Это считается лучшей благодарностью за угощение.

Само по себе село Лотосы невелико, но в базарные дни сюда стекаются тысячи людей. И собираются они не столько на главной улице, вымощенной каменными плитами, сколько на просторной площади за домами, обращенной к реке. Еще до революции тут поставили черепичный навес на каменных столбах, а напротив соорудили ярко размазанный помост для торговцев и для ярмарочных представлений. По старому обычаю базарные дни устраивали на третий, шестой и девятый день каждой декады, то есть девять раз в месяц; так было и в первые годы после революции. Здесь собирались жители всех восемнадцати уездов трех провинций: китайские торговцы, охотники народности яо, крестьяне, лекари, разносчики-коробейники и все кому не лень. Торговали свиньями, коровами, овощами, фруктами, «ароматными грибами» сянгун и съедобными древесными грибами, называемыми «древесные ушки», живыми змеями и обезьянами, трепангами и прочими дарами моря, галантереей, хозяйственной мелочью, всевозможными кушаньями и напитками. Люди заполняли всю площадь, толкались, разговаривали, гомонили. С горы рынок выглядел как сплошное море косынок, головных платков, соломенных шляп, а в дождливый день – мохнатых травяных накидок, матерчатых зонтиков и зонтов из промасленной бумаги. Казалось, будто люди не ходят по земле, а плавают в этом море.

Многие в Долине лотосов кормились рынком – от продавцов холодной воды до зубных лекарей. Рассказывают, что один бедняк здесь разбогател, собирая навоз от свиней и коров. Но в 1958 году, во время «большого скачка», все были брошены на кустарную выплавку чугуна и стали, которая должна была прославить нас на весь мир не меньше, чем запуск спутника Земли. К тому же из района и уезда была спущена бумага, ограничивающая частную торговлю, называющая ее отрывкой капитализма, и рынок в Лотосах стали открывать сначала раз в неделю, потом раз в декаду и в конце концов раз в полмесяца. Считалось, что если рынок ликвидирован, то социализм у нас уже построен и мы приближаемся к коммунистическому раю, вот только господь бог, погода и природа не благоприютствуют да мешают всякие империалисты и ревизионисты. Короче говоря, порог у коммунистического рая оказался слишком высоким, преодолеть его с помощью «большого скачка» мы не смогли, а, напротив, свалились с небес на землю, прямо в нищету общественных столовых, где в котлах варились одни пустые щи. Во время редких базарных дней на рынке торговали только мякиной, плодами разных дичков, съедобными кореньями да грибами. С голоду люди желтеют и

пухнут, а лошади тощат и обрастают гривой. Вот народ и пух, как от водянки, а настоящие торговцы забыли дорогу к рынку – на нем процветали лишь воры, грабители, шулера и проститутки... В конце 1961 года уездные власти прислали новую бумагу, пошли на послабление, разрешив устраивать базар раз в пять дней. Но торговать было почти нечем, и рынок в Лотосах уже не смог стать прежним – местом сбора тысяч людей из восемнадцати уездов.

Теперь этот рынок славился не своими мясными рядами, а лотком местной уроженки Ху Юйинь, торговавшей рисовым отваром с кусочками соевого сыра. Это была молодая красивая женщина лет двадцати пяти или двадцати шести, и все, кто, сидя, стоя или примостившись на корточках, поглощал ее еду, звали ее «сестрицей Лотос». Некоторые в шутку называли ее даже волшебницей, это было, конечно, преувеличением, но несомненно, что все с удовольствием смотрели на ее круглое, как полная луна, лицо, большие глаза, черные брови, крепкую грудь и живую, подвижную фигурку. Заведующий сельским зернохранилищем Гу Яньшань говаривал, что она белизной и мягкостью вполне может сравниться с соевым сыром, которым знаменит ее лоток.

Лотос относилась ко всем покупателям – и знакомым, и незнакомым – с исключительным радушием, даже сердечностью. Любого, пусть самого распоследнего человека она встречала улыбкой и приговаривала:

- Может, еще мисочку? Отвару добавить?
- Счастливого пути, не споткнитесь! И еще заходите!

Посуда у нее всегда была чистая, порции большие, специй сколько хочешь, растительного масла тоже больше, чем на соседних лотках. За миску отвара с сыром она брала всего один цзяо,² отвару добавляла без разговоров, поэтому у ее лотка всегда толпился народ.

«Настоящая торговля держится на приветливости», «покупатель за покупателем – будет и еда и платье» – такие наставления получила Ху Юйинь от родителей. Рассказывают, что ее матери в молодости пришлось торговать собой в портовом городе, но потом она бежала из публичного дома вместе с одним приказчиком. Супруги обосновались здесь под

² Разменная китайская монета, одна десятая юаня. Чаще произносится «мао».

другой фамилией. Они открыли небольшой постоянный двор для торговцев и, будучи уже в возрасте, возжигали ароматные свечи перед Буддой, чтобы он послал им ребенка. Наконец у них родилась Ху Юйинь – единственная дочь, которую они и называли-то в честь бодхисатвы Гуань-инь, покровительницы деторождения. В 1956 году, вскоре после перехода постоянного двора в смешанную государственно-частную собственность и замужества Ху Юйинь, ее родители умерли. В то время в деревне еще не существовало разделения на крестьян и служащих, поэтому Ху Юйинь и ее муж входили в сельскую производственную бригаду и считались крестьянами. Торговлей она занялась лишь в последние два года и несколько стеснялась этого. Сначала, как и многие, она торговала мякиной, мукой из папоротника, потом перешла к овощам, в том числе к батату, и, наконец, открыла свой лоток. Она вовсе не собиралась продолжать родовое дело, а просто в трудное время пыталась прокормиться, как умела.

– Сестрица Лотос, дай две миски, да перцу побольше положи!

– Ладно, только смотри, чтоб живот не заболел!

– А если заболит, полечишь?

– Еще чего!

– Хозяюшка, одну миску и стаканчик белой!

– И так жарко, да и суп горячий! А если уж без водки не можешь, возьми в лавке напротив!

– Сестрица Лотос, дай сырку побелее, вроде твоих ручек, чтоб ноги легче несли!

– Какой в котле есть, такой и дам. Больно много болтаешь! Наверно, опять жена к себе не подпускает, да еще за уши треплет?

– А может, ты меня потреплешь?

– Уши слишком длинные, да и язык тоже! Ешь лучше суп, чтоб на языке типун не вскочил, а то на тот свет немой отправишься!

– Что это ты о том свете заговорила? Неужто не жалко будет лишиться постоянного покупателя?

Но даже во время таких перебранок глаза Ху Юйинь продолжали светиться улыбкой, а голос звучал точно музыка. Она любила разговаривать со своими покупателями и относилась к ним по-родственному. Среди них были и такие, что ходили к ней каждый базарный день, как, например, Гу Яньшань.

Я уже упоминал этого заведующего сельским зернохранилищем. Старый холостяк лет сорока, приезжий с севера, он был человеком исключительно простым и честным. Тем удивительнее, что в прошлом году он вдруг сказал Ху Юйинь, что перед каждым базарным днем может продавать ей из зернохранилища до шестидесяти цзиней³ рисовых отходов. Лотос и ее муж так обрадовались, что готовы были на коленях благодарить его за милость. С тех пор Гу по-хозяйски присаживался перед лотком и, молча любуясь хлопчущей Ху Юйинь, впитывал в себя аромат ее молодости. Но поскольку его знали как человека серьезного, никто не осуждал его даже за то легкомысленное определение молодой женщины, которое приводилось выше.

Вторым постоянным посетителем был Ли Маньгэн – секретарь партбюро объединенной бригады, в прошлом кадровый военный. Он приходился родственником мужу Ху Юйинь, и она считала его своим названным братом. Каждый базарный день он съедал пару чашек бесплатно, что имело не только родственный, но и глубоко символический смысл: его трапезы как бы подтверждали законность торговли Ху Юйинь, говорили всем, что ее лоток разрешен сельской парторганизацией или по крайней мере ее секретарем.

Был и еще один бесплатный посетитель – известный сельский активист Ван Цюшэ, человек тридцати с лишним лет, с круглой головой и жирными ушами, похожий на статую

³ Мера веса, около 600 г.

смеющегося Будды. Все знали, что он подловат, но каждый раз, когда власти присылали своего представителя для проведения какой-нибудь кампании, Ван оказывался незаменим: дул в трубу, оповещая о начале собрания, первым выкрикивал лозунги, чтобы создать необходимую атмосферу, оставался на ночное дежурство, присматривая за осужденными. Словом, он вел себя исключительно активно, но, едва главный накал кампании проходил, остывал и Ван Цюшэ: весь раж и пыл из него выходили, точно воздух из спущенного мяча. С лицом, лоснящимся от жира, любитель вкусно поесть, он всегда обходился одной монетой там, где другой тратил три. Подойдя к лотку Ху Юйинь, он просто бросал: «Сестрица, две миски, запиши на мой счет!» – и без малейшего стеснения ждал еду. Иногда, даже в присутствии Ху Юйинь, он, похлопывая по плечу ее мужа, позволял себе такие шуточки:

– Что это с тобой братец? Женат уже семь или восемь лет, а жена твоя как девушка, все еще порожняя ходит. Может, тебе учитель нужен – показать, как дети делаются?

Супруги густо покраснели, смущались, но одернуть его не смели. Человека, незаменимого во время проработочных кампаний, нельзя задевать: уж лучше даром кормить его, выслушивать его пошлости да улыбаться ему.

Среди постоянных клиентов Ху Юйинь был еще один достойный упоминания странный человек: Помешанный Цинь, а точнее – Цинь Шутянь, причисленный к «пяти вредным элементам».⁴ Когда-то он состоял на хорошей работе: был учителем музыки в средней школе, потом руководителем уездного ансамбля песни и пляски, но в 1957 году был объявлен правым за «реакционное» представление с песенками критического содержания и сослан в деревню на перевоспитание. Отличаясь большим упрямством, он не признал себя виновным в преступлениях перед партией и социализмом, сознался лишь в нескольких любовных связях и постоянно просил секретаря партбюро Ли Маньгэна сменить ему политическую «шапку правого» на «шапку уголовника». Можно не сомневаться, что это было коварным тактическим ходом. К лотку Ху Юйинь он всегда подходил, когда оставалось поменьше народа, хитро улыбаясь и что-то напевая.

– А что это ты поешь? – спросили его однажды.

– Гуандунскую мелодию «Все выше и выше».

– Ты же причислен к пяти вредным элементам, а рассчитываешь подняться выше?! Тебе впору петь «Все ниже и ниже»!

– Да, вы правы, я ведь послан сюда на перевоспитание и должен стараться изо всех сил...

Цинь Шутянь явно интересовался Лотосом, но вел себя вполне прилично: не оглядывал бесцеремонно и не позволял себе лишних слов. А Лотос всегда считала, что «тощую собаку стыдно пинать, больную лошадь стыдно обижать». Она сочувствовала Циню, даже жалела его и всегда подкладывала ему побольше то риса, то соевого сыра, то кунжутного масла.

На рынке ей приходилось сталкиваться с самыми разными людьми: добрыми, злыми, притворно добрыми, держащими нос по ветру, плывущими по течению, умеющими красно поговорить, способными выдать черное за белое, а белое за черное, продать все и кого угодно. И человеческая жизнь тоже временами начинала казаться ей похожей на рынок, в том числе жизнь тех, с кем она постоянно сталкивалась. Об этих людях мы сейчас и расскажем, какую бы роль в нашем повествовании – главную или второстепенную, положительную или отрицательную – они ни играли.

⁴ Помещики, кулаки, контрреволюционеры, уголовники, правые.

Глава 2. Заведующая

Кроме частных лавчонок, в Лотосах было три государственных предприятия: промтоварный магазин, лавка местных промыслов и столовая. Они находились в начале, середине и конце улицы, задавая тон местной торговле и как бы демонстрируя преобладание государственного сектора над частным. Столовой заведовала Ли Госян, недавно присланная на эту должность уездным отделом торговли. К свободному рынку у нее было особое отношение. Каждый базарный день она внимательно следила за всеми лотками, где торговали съестным, прикидывая их доход и сколько народу они отвлекают от ее столовой. Словно жена сельского старосты прежних времен, она важно ходила по рынку, выпатив свою несколько увядшую грудь, и едва не рычала на конкурентов. Главным объектом ее ненависти стала Лотос. Ли Госян сразу уловила, что привлекательная внешность этой «соевой красавицы»⁵ служит ей лучшей рекламой, не говоря уже о ее улыбочности и расторопности. «Проклятые мужики! Липнут к ее лотку, словно мартовские коты!» – думала Ли Госян. Она понимала, что такие мысли не красят ее как представительницу государственной торговой точки, но, с другой стороны, чувствовала, что Лотос является ее главной конкуренткой в селе.

Долго она терпела и наконец устроила скандал. Повод был пустяковый и, по существу, не связанный с ее должностными обязанностями. Однажды Ли Гуйгуй, муж Ху Юйинь, сельский мясник, раздобыл свинины, мелко нарубил ее, поджарил, и супруги стали добавлять ее в свою похлебку с соевым сыром, даже не повышая цены. Возле лотка мгновенно выстроилась очередь; некоторые лакомки, прельстившись пахучей и вкусной едой, требовали по две-три миски, зато у столовой посетителей поубавилось.

– Это что же такое? Лоточница отбивает прибыль у государства? – воскликнула Ли Госян. Одним прыжком она подскочила к лотку и, грозно нахмурив брови, закричала: – Предъяви свидетельство о праве на торговлю!

Она протянула руку с часами, которые в деревне были в диковинку и назывались «бычьим глазом». Ху Юйинь от неожиданности так и застыла с черпаком в руке, но продолжала улыбаться:

– Товарищ заведующая, я веду эту торговлю с официального разрешения и исправно плачу налог. Это и взрослые и дети знают!

– Свидетельство! Я хочу посмотреть на твое свидетельство! – повторила Ли Госян, не опуская руки. – Если не предъявишь свидетельства, я пришлю своих работников и заберу твой лоток!

Тут Ху Юйинь совсем опешила:

– Товарищ заведующая, вы руку-то уберите! У меня честная торговля, а не какой-нибудь черный рынок...

Очередь, страдая по еде с необычной прибавкой, заволновалась и выступила в защиту:

– Она своим лотком занимается, а ты занимайся своей столовой! Колодезная вода речной не помеха. Можно подумать, она на чужую могилу наступила!

– Ну и денек сегодня! В коровьем хлеву лошадиная морда объявилась!

– Ты лучше своей столовой займись, чтоб в лапше мышиного помета не было! Ха-ха-ха...

Чувствуя, что дело может пойти слишком далеко, заведующий зернохранилищем Гу Яньшань попробовал примирить всех:

– Ладно, ладно, в одном селе живем, а свой своего не узнает! Если уж так хочется поговорить, сходите в рыночный комитет или к налоговому инспектору!

⁵ Так называлась героиня рассказа Лу Синя «Родина», которая тоже торговала соевым сыром.

Ли Госян едва сдержалась, чтобы не обозвать всех их прихвостнями капитализма. Она чувствовала, что село Лотосы хоть и невелико, но чудовищ и оборотней тут предостаточно. Как говорится, «пруд хоть и мелок, а черепах довольно», преступники кишмя кишат, и все они норовят нагадить ей как кадровому работнику, присланному со стороны.

Вообще-то она была номенклатурным работником уездного отдела торговли, племянницей секретаря укома Ян Миньгао, знаменитым во всем уезде борцом против капитализма. Рассказывают, что она прославилась еще в 1958 году, когда по ее предложению была устроена неожиданная ревизия всех мелких торговцев – событие, которое опять же сравнивали с запуском спутника Земли. О Ли Госян тогда писали провинциальные газеты, она стала героиней дня, была мгновенно принята в кадровые работники. Но «каждый спотыкается на своем каноне».⁶ Этой весной, когда ее уже должны были произвести в заместители заведующего отделом торговли, неожиданно вскрылась любовная связь Ли Госян с женатым секретарем дяди – вскрылась потому, что ей пришлось делать аборт. Секретаря, конечно, сурово наказали, чтобы другим неповадно было, но без лишнего шума. Наказали и врачиху, делавшую аборт, – ее «по делам службы» быстренько сослали чуть ли не на край света. Ли Госян тоже попала во временную опалу и была направлена заведовать столовой в село Лотосов.

Ей было тридцать два года. Известно, что, когда женщине за тридцать, а она не успела выйти замуж, ей уже нелегко исправить эту несправедливость, да и винить некого. Ведь любовные истории обычно происходят в молодости. Начав работать в двадцать два года, Ли Госян одновременно стала искать свою любовь, но быстро вкусила и сладость, и горечь этих поисков. Первым делом она остановила выбор на командире взвода – младшем лейтенанте с одной звездочкой, а в то время среди девиц была модна такая припевка: «С одной звездочкой – маловат, с двумя – слабоват, с четырьмя – староват, а с тремя – в самый раз». Поэтому она рассталась с младшим лейтенантом, нашла себе старшего, разведенного, но вот незадача – у него оказался ребенок, который сразу же стал звать ее мамой. Нет уж, упаси бог от чужих детей, она бросила и этого жениха, а тут подвернулся третий, очень интересный, однако о нем рассказывать не будем. В 1956 году, когда партия призвала всех осваивать науку, она нашла себе интеллигентного любовника – ирригатора, в очках. Но на следующий год его объявили правым элементом. Боже мой! Ли Госян испугалась так, будто ночью увидела пятиметровую змею, и немедленно бросила ирригатора. Теперь она поклялась стать кадровым работником, а в мужья выбрать не меньше чем начальника отдела, даже если при этом ей и придется стать мачехой. Но пока ее желания сбылись только наполовину, потому что полное счастье бывает редко. Самое лучшее десятилетие ее жизни уже ушло. По служебной лестнице она до поры до времени поднималась, но внешне становилась все менее привлекательной, можно сказать «понижалась в ранге». На сердце у нее скребли кошки; утром, проснувшись, она первым делом смотрелась в зеркало, и ей становилось нехорошо. Глаза, прежде такие ясные, теперь пожелтели и покрылись красными прожилками, на веки легли нездоровые тени, в уголках глаз собрались морщинки, напоминающие рыбий хвост. Симпатичные ямочки на щеках исчезли, кожа стала дрябловатой и темной, сквозь нее уже не проглядывал румянец. Боже, неужели так короток женский век, неужели так стремительно проходит молодость, неужели так трудно дается подлинное чувство? А когда человек дурнеет, зачастую черствеет и его сердце. Привычки накапливаются, превращаются в манию. Вот и Ли Госян стала втайне завидовать всем замужним женщинам.

Ей хотелось иметь семью. Когда у нее будет законный муж, все ее похождения в уезде забудутся. У кого до замужества не бывает шалостей? Сейчас, оказавшись в Лотосах, она деловито огляделась и увидела, что достойных ее должностных лиц здесь до смешного

⁶ Эта поговорка появилась в те времена, когда в Китае почитались конфуцианские, даосские и буддийские канонические книги. Но затем она приобрела более широкий смысл.

мало, пожалуй один Гу Яньшань – «старый солдат с севера», как его часто называли. Он вечно ходил небритым, небрежно одетым, любил выпить – в общем, страдал недостатками, распространенными у старых холостяков. Но зато его накопления, как утверждали знатоки местных финансов, исчислялись тысячами. И в политическом отношении он был безупречен. Правда, староват немного, но теперь уж ничего не поделаешь, за всем сразу не уго니шься. К тому же, как гласит поговорка, «старый муж думает о жене, а молодой – о женщинах».

Иногда Ли Госян казалось, что спать со старым небритым мужчиной очень противно – поди, мурашки бегут по коже. Но женщина в самом соку не может долго успокаивать себя такими страхами; ведь даже эта любовь оставалась у нее неразделенной. Она начала искать встреч с заведующим зернохранилищем, ласково называла его «почтенный Гу», приглашала в свою столовую отведать самых лучших блюд. Или, играя глазами, говорила:

– Товарищ заведующий, к нам в столовую только что завезли ящик «Абрикосовых цветов». Я специально оставила вам две бутылки!

– Ой, у вашего френча уже воротник засалился! Надо бы подворотнички нашивать, гораздо лучше будет...

Любой старый холостяк, услышав от женщины такие речи, понял бы, что к чему, и загорелся. Но Гу Яньшань был словно каменный: не загорался и даже не дымился. Вот противный! Ли Госян оставалось только делать вид, что она ничего не замечает, и продолжать свои заигрывания.

Однажды вечером для всех торговых и финансовых работников села организовали собрание с чтением важного документа, спущенного из центра. В Долине лотосов тогда еще не было электричества, и в комнате, где устраивалось собрание, мерцал лишь газовый фонарь, то разгораясь, то изнемогая, как больной. Ли Госян специально поджидала Гу Яньшаня у входа на темную лестницу, а когда он появился, тут же бросилась к нему:

– Почтенный Гу, подождите немного, здесь темно, как в гробу! Возьмите меня за руку, а то я боюсь упасть с лестницы...

Гу Яньшань подчинился и повел ее, не подозревая, что таким нехитрым способом портовые шлюхи завлекают мужчин. Едва он взял ее за руку, как Ли Госян прильнула к нему, и весь ее заранее приготовленный аромат смешался с его винным перегаром. Но даже это не остановило женщину. Она страстно зашептала в темноте:

– Ой, да от вас пахнет, вы снова выпили?

– А чего это ты липнешь ко мне, точно лоза? – грубо ответил Гу Яньшань. – Отцепись скорей, пока люди не подошли!

Вне себя от такой бесчувственности, Ли Госян ущипнула его за руку:

– У, старый негодяй, ничего не понимает! Еду к самому рту поднесли, и то не ест!

– А мне твоя еда не нужна, я больше по винной части, – не остался в долгу Гу Яньшань. – Смотри не ошибись!

Ли Госян вся пылала от стыда и негодования, но, к счастью, они уже вошли в комнату и смогли чинно усестись порознь, как будто между ними ничего не произошло. У женщины даже подбородок дрожал: так опозориться, да еще перед каким-то небритым стариком! На следующее утро глаза у нее были вспухшие, словно персики в сиропе; ее подчиненные не могли понять, почему ей не нравятся то булочки, то пирожки, то лапша. В конце концов ее гнев вылился на одну из подавальщиц: – У, паршивая кокетка! Выходишь на работу в короткой юбке, чтобы выставить напоказ свои ноги? Просто тошнит от тебя! Подражаешь той шлюхе, которая торгует рисом и соевым сыром?! Забыла, что ты государственная служащая? Если все станут такими же бесстыжими, как ты, то в нашей столовой нельзя будет говорить ни о какой политической линии! Сейчас же пиши объяснительную записку секретарю молодежного союза и сама разоблачи вред своих бесстыдных нарядов!

Через несколько дней Ли Госян обнаружила, что ее провал перед Гу Яньшанем вызван все той же «соевой красавицей» – «сестрицей Лотос». Оказывается, этот праведник подкачивается к замужней женщине и, злоупотребляя своим служебным положением, продает ей к каждому базарному дню по шестьдесят цзиней рисовых отходов! Но что значит «отходов»? Это только ширма, за которой – дураку ясно – прячется преступный сговор. Что же ты за человек, Ху Юй-инь? Почему в этом вшивом селе ты постоянно берешь надо мной верх?

Чем больше Ли Госян думала об этом, тем больше злилась. Иногда она злорадствовала даже над тем, что у Ху Юйинь не было детей: «Да она просто пустой кожаный мешок; ребенка родить и то не может!» Но к этой радости примешивалось некоторое чувство вины: ведь она, Ли Госян, в отличие от Ху Юйинь сама дважды избавлялась от детей с помощью докторов и разных снадобий. Ничего, погодите, проклятые распутники, я вам еще покажу! Если я вообще останусь в этом паршивом селе, то в один прекрасный день выведу на чистую воду все ваши грязные делишки!

Ли Госян была именно таким человеком: из узенького ручейка частной жизни она, подняв большой парус, часто выводила свою лодку в бурные волны политической реки. Как небожительница, сошедшая в мир людей, внимательно изучает землю, так и Ли Госян решила детально разведать обстановку в объединенной бригаде и действовать уже сообразно этой обстановке.

Глава 3. Маньгэн и Лотос

В наше время древесных лотосов на берегах Лотосовой осталось немного. Согласно легенде, когда лотосовое дерево старится, в него вселяется злой дух, который по ночам, приняв женский облик, соблазняет мужчин. Некоторые утверждали, что ясной лунной ночью сами видели, как в реке купается женщина неземной красоты. Она то плещется в волнах, то превращается в цветок лотоса, источающий нефритовое сияние... Каждая волшебница должна искусить по меньшей мере одного парня, поэтому неудивительно, что на Лотосовой ежегодно во время жары тонули парни. Это обстоятельство и ужасало, и радовало всех парней села, а самые крепкие и смелые думали, что хорошо бы побаловаться с духом лотоса и остаться при этом в живых. Руководство придерживалось другой позиции: с точки зрения общественных перспектив, роста народонаселения, проблем строительства и обороны страны духи лотоса представляют явную опасность. Лотосовые деревья на берегах не украшение села, а источник вредных суеверий, поэтому их необходимо выкорчевать и заменить клещевинной, из которой делают смазочные масла для нашей доблестной авиации. Возглавили эту операцию по укреплению обороны и искоренению суеверий преимущественно учащиеся младших классов.

Вслед за древесными лотосами пострадали и водяные: во время организации народных коммун главной сельскохозяйственной культурой был объявлен рис, поэтому запруда за селом, у подножья горы, была превращена в заливное рисовое поле. Но на берегах реки, у причалов, к счастью, еще сохранилось десятка полтора толстых – в человеческий обхват – деревьев, мука из которых обладает свойствами желатина или крахмала. Эти деревья сверху донизу были увиты лианами. В период движения за всенародную выплавку чугуна и стали им грозила неминуемая гибель, но что-то спасло их. Одни говорят, что плохое качество древесины, не дающей нужного жара, другие – что вмешательство какого-то товарища из волостной управы, который затем был записан в оппортунисты. Ясно одно: кто-то все же сообразил сохранить эти старые деревья, чтобы под ними могли отдыхать люди. Поговаривали, что даже при коммунизме, когда еды и питья будет вдоволь, во время сильной жары, возможно, окажется не лишним развести древесную муку в холодной колодезной воде и сделать вкусное желе... Буквально через несколько лет это внимание к мелочам оправдалось, оказалось пророческим. Такова, видимо, специфика развития Китая – недаром у нас на протяжении всех эпох велись усиленные исторические исследования. Как бы то ни было, старые деревья, перевитые лианами, до сих пор стоят возле причала, образуя тенистый коридор, защищающий прохожих от солнца. На деревьях медными колокольчиками висят цветы. Они отражаются в зеленой речной воде и как будто тихо звенят...

Нынешний партийный секретарь села Ли Маньгэн в 1956 году демобилизовался и был направлен на административную работу в свой район. Подойдя к знакомой переправе, он заметил на берегу девушку, которая сидела рядом с корзиной свежесстиранного белья и смотрела на резвящихся в воде рыбок. Ли Маньгэн увидел лишь нежный овал красивого лица, отраженного в речной глади, и его сердце тотчас сладко заныло. Он не помнил в родном селе такой красавицы, уж не дух ли лотоса встретился ему среди бела дня? Впрочем, он не верил во все эти сказки, а подошел и стал разглядывать отражение, которое так восхитило его.

Увидев, что рядом оказалось еще чье-то лицо, девушка вздрогнула, покраснела и сердито шлепнула ладонью по воде, разбив отражение на тысячи брызг. Потом она вскочила, повернулась и застыла в изумлении. Замер и Ли Маньгэн. Наконец они оба с трудом разжали губы:

– Юйинь! Это ты? Как выросла!

– Ой, Маньгэн? Вернулся все-таки...

Они знали друг друга с детства. Ли Маньгэн был сыном перевозчика, и Ху Юйинь часто бегала с ним в горы собирать грибы, хворост или ростки молодого бамбука. Там они нередко обменивались шутливыми песенками. Скажем, Ху Юйинь пела:

На холме травой невесты,
Коли можешь – подрезай!
Вырвут серп – да ручкой в лоб,
Острием – да по глазам.

Ли Маньгэн откликнулся:

Ты самая желанная из них!
Среди бамбука ты не прячься понапрасну.
Наброшу на плечи алеющий платок,
И унесу тебя я в паланкине красном.

Долго они так поддразнивали друг друга. Иногда Ху Юйинь сердилась:

– Безобразник! Нужны мне твои платки и паланкины!..

Но когда Ли Маньгэна забрали в армию, Ху Юйинь, стыдась и краснея, уже не без удовольствия вспоминала слова о цветистом паланкине.

Сейчас друзья детства стояли на каменной плите причала, смущенно опустив головы. Ху Юйинь рассматривала свои матерчатые туфли, а Ли Маньгэн – кеды, которые ему выдали в армии. Солнце было в самом зените, птицы на ветках лениво покрикивали, а перевозчик – отец Ли Маньгэна – лежал в тени на другом берегу и то ли спал, то ли притворялся спящим.

– Юйинь, какие у тебя руки нежные, будто и не работаешь вовсе... – выдавил из себя Ли Маньгэн и тут же пожалел об этом, чувствуя, что сказал невпопад.

– Ну что ты, целыми днями работаю! Ни зонтика, ни шляпы не ношу, а вот почему-то не загораю. А на руках даже мозоли есть! Если не веришь, посмотри... – еле слышно, будто для себя самой, проговорила девушка. Обиженно надув губки, она протянула ладони – вернее, почти протянула. Ли Маньгэн заискивающе усмехнулся и тоже вытянул руку, пощупать мозоли, но не посмел дотронуться. Наконец, набравшись храбрости, от волнения округлив глаза, он спросил:

– Юйинь, у тебя...?

Девушка сразу поняла его, точно по волшебству.

– У меня никого нет, – произнесла она и повторила: – Никого...

Ли Маньгэну показалось, что мундир становится для него тесным.

– Юйинь! – воскликнул он дрожащим голосом и, раскинув руки, хотел обнять ее, но она уклонилась и даже отступила на шаг. На глазах ее выступили слезы, как у обиженного ребенка.

– Ладно, ладно, не буду, – забормотал Ли Маньгэн. Вместе с нежностью у него вдруг появилась потребность заботиться о ней. – Ты иди домой, а то родители, наверно, заждались, будут волноваться. Кстати, передай им большой привет!

Ху Юйинь взяла корзинку с бельем и благодарно кивнула.

– Спасибо, передам. Родители-то у меня уже старые, болеют все время...

Лодка с того берега начала медленно приближаться.

– Я загляну на днях? – полувопросительно сказал Ли Маньгэн. Девушка снова кивнула, да так энергично, что подбородком коснулась рубашки на груди. С корзинкой в руках, украдкой оборачиваясь, она стала подниматься по каменным ступеням причала.

В район Ли Маньгэн вернулся весь сияющий. Тогдашний секретарь райкома Ян Миньгао, местный уроженец, любил таких парней. Из двадцати с лишним молодых работников райкома и райисполкома он больше всего выделял именно Ли. Сразу было видно, что у этого юноши и корни крепкие, и нутро здоровое: честный, чистый, закаленный армией, получивший за пять лет службы четыре награды. В то время районы упразднялись, а укреплялись уезды и волости. Ян Миньгао выдвигали в секретари уездного комитета, и он поставил перед укомом вопрос о том, чтобы сделать Ли Маньгэна начальником и одновременно партийным секретарем большой горной волости. Орготдел укома уже вызывал Ли для беседы, теперь ожидалось только официальное назначение.

Тем временем любимая племянница Ян Миньгао, работавшая в уездном отделе торговли, была прислана с инспекцией в район. Естественно, что она часто обедала у своего дяди, а тот – не знаю уж, случайно или сознательно – каждый раз приглашал на эти обеды Ли Маньгэна. Ли слышал, что племянница секретаря райкома не страдала излишней строгостью нравов и поглощала мужчин, как обезьяна кукурузные початки. На первом же обеде он заметил, что одевается она по-западному, но любит снимать свою желтую шелковую накидку и оставаться в цветастой кофточке без воротничка и рукавов. Ее обнаженная шея и круглые белые руки выглядели весьма соблазнительно, а соски на высокой груди торчали под кофточкой словно пуговицы. Даже Ян Миньгао, который долгие годы вел чинную жизнь руководящего работника, иногда с интересом поглядывал на прелести племянницы и еле заметно усмехался.

Как всякая бывалая женщина, Ли Госян говорила очень свободно – вернее, не говорила, а почти пела – и дерзкими глазами ощупывала все тело гостя, точно стремилась похитить его душу. Женщины никогда так не смотрели на Ли Маньгэна, поэтому он, опустив голову, заливался краской и считал своими ногами ножки стола и табурета. Вскоре они выяснили, что оба носят фамилию Ли, только у нее она произносится в глубоком тоне, а у него – в поднимающемся.⁷

Проводив племянницу, Ян Миньгао с улыбкой спросил молодого человека:

– Ну как?

– Что «как», товарищ секретарь? – недоуменно переспросил Ли Маньгэн.

Ян Миньгао поморщился. Да, перед быком бесполезно играть на лютне! Парню давно за двадцать, успел отслужить в армии и демобилизоваться, а ничего не соображает. Только что здесь была молодая женщина, похожая на цветок, а он разинул рот и не понимает, о ком его спрашивают! Пришлось с ним серьезно поговорить, что уже было немалым унижением для секретаря райкома. Другие молодые люди в такой ситуации поставили бы перед начальником бутылочку доброго вина, а сами пили бы воду с его ног... Но Ян Миньгао решил пренебречь подобными пустяками. Совместив обязанности начальника, дяди и свата, он детально обрисовал служебные перспективы обоих молодых людей, привлекательность их союза, будущее их семьи. Со своей привычкой к руководящей работе он говорил обо всем этом так, будто ставил перед подчиненным государственную задачу, спрашивая время от времени: «Ну, понятно?» Он никак не ожидал, что подчиненный, пряча глаза и заикаясь, вдруг выдавит из себя:

– Большое вам спасибо за заботу, но дайте мне хотя бы несколько дней, чтобы как следует подумать...

Это не понравилось секретарю райкома, и он еле сдержался, чтобы не отчитать дерзкого зазнайку: начинающий работник, а корчит из себя чуть ли не лауреата дворцовых экзаменов, который в старые времена имел право жениться на дочери канцлера!

Воспользовавшись служебной okazji, Ли Маньгэн тут же отправился в Лотосы. Как он договорился с Ху Юйинь о свидании и где оно произошло – на тех же темных каменных плитах причала или нет, – мы не знаем, но только на сей раз они вполне ясно условились о свадьбе. К сожалению, в то время существовал порядок, определенный неизвестно каким документом, согласно которому член партии или даже беспартийный активист был обязан докладывать о своем намерении вступить в брак и получить на это официальное одобрение. Таким способом оберегалась классовая чистота общественных отношений. Поэтому через несколько дней, как он и обещал, Ли Маньгэн отправился к секретарю райкома и честно доложил ему о своих намерениях.

– А, так ты присмотрел знаменитую красотку из Лотосов? Поздравляю, поздравляю! – невозмутимо промолвил Ян Миньгао, возлежа в мягком кресле и растопырив ноги как краб. В руке он держал спичку, которой выковыривал из зубов остатки еды от очередного пира. Его подчиненный смутился и тоже стал походить на краба, только вареного.

– Да, мы знакомы еще с детства. Вместе собирали грибы, ростки бамбука...

– А какое у нее социальное происхождение?

– Наверное, из мелких предпринимателей примерно равных богатым середнякам...

– «Наверное», «примерно»!.. И это говорит административный работник? – Ян Миньгао поднялся из своего кресла, и его глаза загорелись, словно электрические лампочки.

⁷ В китайском языке существует четыре музыкальных тона: ровный, поднимающийся, глубокий и падающий. Они влияют и на смысл слов, которые, имея разный тон, чаще всего пишутся различными иероглифами. Например, фамилия Ли Госян означает «слива», а фамилия Ли Маньгэна – «черный», «простой».

– Я, я... – Ли Маньгэн смутился еще больше. Он чувствовал себя так только в детстве, когда его заставляли на месте преступления в чужом саду.

– От имени партийной организации могу сказать тебе, товарищ Ли Маньгэн, что отец этой девушки до освобождения был членом банды сине-красных, а мать и того похлеще – проституткой в порту. Ты должен понять, что только дочь проститутки умеет так ловко охмурять мужчин!

Ян Миньгао снова возлег в кресло. Он уже много лет работал на этом месте и знал грешки чуть ли не каждого жителя района. Именно таким образом он проявлял свою классовую бдительность.

Подчиненный, стоя перед ним навытяжку, чуть не плакал.

– Конечно, по закону о браке ты вправе сам выбирать себе жену, – продолжал Ян Миньгао, – но у партии есть свои законы. И тут перед тобой уже другой выбор: либо партийный билет, либо дочка хозяина постоянного двора!

Ян Миньгао исходил из принятых правил, из основополагающих принципов. Он ни словом не упомянул о своей племяннице, которая уже лопалась от зрелости, как налившийся соком персик.

Привыкший в армии к ясности и простоте, Ли Маньгэн не мог постичь всех этих сложностей и чувствовал себя, точно дерево, теряющее листву после первых же заморозков. За несколько дней он похудел чуть ли не вдвое.

Но это было еще не все. Когда районы упразднили, а уезды и волости получили новых руководителей, в списках волостных начальников Ли Маньгэна уже не оказалось. Он был назначен поваром в волость, потому что при демобилизации в его документах кто-то написал, что его нужно использовать не как кадрового работника, а как служащего.

Ли Маньгэн отверг подобную честь, вернулся в Лотосы и стал перевозчиком вместо своего постаревшего отца. И так, взлет у него не состоялся, но и падение было не очень тяжелым: это ведь почти справедливо, если сын перевозчика продолжает дело своих предков. А управляться с лодкой он умел отлично.

Однажды вечером, когда на небе сияла яркая луна, он снова встретился с Ху Юйинь – все на тех же каменных плитах причала. Теперь у него для этого было больше возможностей, лодка находилась в его распоряжении.

– Это я во всем виновата, я... – бормотала девушка, и ее круглое заплаканное лицо в неровном свете луны само напоминало полную луну, плывущую сквозь облака.

– Не плачь, Юйинь, мне и так тошно... – Ли Маньгэну и самому захотелось заплакать, но он, недавний солдат, не мог позволить себе слез.

– Маньгэн, я понимаю, ты обязан сделать выбор, ты не можешь без партии... Это я виновата, у меня судьба несчастная. Когда мне было тринадцать лет, слепой гадатель нагадал мне – я никому об этом не говорила, одному тебе, – что у меня жизнь не заладится, что я буду нести горе мужчинам... – Ху Юйинь зарыдала, вина во всем только себя. У нее до того не было врагов, и она совершенно не привыкла винить других. Ли Маньгэну это показалось странным, как и то, что на седьмом году после освобождения она не избавилась от суеверий, но он не хотел осуждать ее. Она была слишком несчастна и слишком уязвима – совсем как отражение лотоса в воде: прикоснешься пальцами, и оно исчезнет.

– Маньгэн, можно я буду считать тебя названным братом, а ты меня – названной сестрой? Раз уж нам не судьба...

Ее страстная мольба расплавила бы даже железо, и Ли Маньгэн не устоял. Он бросился к ней, обнял и как безумный стал целовать.

– Маньгэн, брат мой, брат! – плакала на его плече девушка.

Да, брат. В этом слове было и доверие, и ответственность. Ли Маньгэн разжал объятия и постарался напустить на себя максимум суровости, на какую только способен мужчина.

Он чувствовал, что в этот священный момент их отношения изменились: грустная неизбежность победила, взяла верх над любовью. От них теперь требовались не обычные чувства, а подлинный героизм.

– Да, Юйинь, отныне ты навсегда будешь моей сестрой. И хотя нас разделяет река, мы все-таки живем в одном селе. Пока я жив, я буду оберегать тебя...

Его слова прозвучали точно клятва.

Когда заведующая столовой Ли Госян отправилась в партбюро объединенной бригады, чтобы как можно подробнее узнать всю подноготную Ху Юйинь, она вдруг сообразила, что чуть не опростоволосилась. Сообразила, уже дойдя до причала: ведь нынешний секретарь партбюро Ли Маньгэн – это тот самый райисполкомовский работник, которого она несколько лет назад безуспешно пыталась соблазнить! С ума сойти! Все уже зашли в лодку, но она вовремя удержалась.

– Товарищ заведующая, куда это вы направляетесь собственной руководящей персоной? – не без игривости спросил ее Ван Цюшэ, только что вылезший из лодки. Он был моложе Гу Яньшаня, крепко сбит и на сей раз вполне прилично одет. Ли Госян ответила ему ласковой улыбкой и тут вспомнила, что Ван Цюшэ – известный в селе активист, неприменный участник всех политических движений. Уж он-то наверняка знает все о Ху Юйинь! Они пошли рядом и вскоре разговорились, будто закадычные друзья после долгой разлуки.

Глава 4. Хозяин висячей башни

Ван Цюшэ, которого Ли Госян встретила на причале, действительно был примечательной фигурой в селе. По социальному происхождению он числился батраком и стоял даже ниже бедняка, потому что у бедняка есть хоть что-то, а у Ван Цюшэ до освобождения ничего не было – он мог считаться чистым пролетарием, золотом без изъяна. Он не знал ни отца, ни матери, ни времени и места своего рождения, ни того, как оказался в Лотосах. Тем более у него не было ни дедушек, ни бабушек, ни тестя, ни тещи, ни других родственников, то есть история его отличалась редкой чистотой. Ведь простота – это чистота, чистота – это белизна, а белизна – это пустота. Абсолютно чистый всегда предпочтителен: ему легче других подняться в небо или выехать за границу. К сожалению, для профессии летчика Ван Цюшэ не хватало ни здоровья, ни культуры, а для поездок за границу он не годился по причине полного незнания иностранных языков. Во всем этом виновато старое общество, при котором он вырос и воспитывался в сельском храме.

Когда началась земельная реформа, Ван Цюшэ было двадцать два года, а он уже пять лет бил в гонг в храме. Выполнял он и другие мелкие поручения, особенно связанные с беготней, потому что был довольно ловок и неглуп. Любил смотреть в рот богачам, прислуживать им, льстить. Иногда, конечно, получал и оплеухи, затрещины или пинки, о которых впоследствии очень красноречиво рассказывал на собраниях, обличающих дореволюционную жизнь. Он вспоминал, что ел рис, смоченный слезами, пил отвар из дикорастущих трав, до восемнадцати лет бегал с голым задом; по его голове били, как по «деревянной рыбе», на которой отбивают такт во время буддийских молитв; на его шею сидели, точно на скамейке, и у него не было даже веревки, чтобы повеситься...

Ван Цюшэ считали «героем земельной реформы». Он любил поговорить, поесть и вполне мог бы вырасти в начальника, носящего в нагрудном кармане френча авторучку с золотым пером; но, едва перейдя из низшего разряда в высший, он поскользнулся на отполированной до блеска и весьма опасной арене классово-политической борьбы. Когда его направили сторожить добро сбежавшего помещика, он тут же спутался с бывшей помещицей наложницей и влез в ее кровать, инкрустированную слоновой костью. Именно так он представлял себе прелесть революции: раньше наложница помещика даже не смотрела в сторону Ван Цюшэ, а теперь стала его собственностью! Разумеется, такое понимание революции не совпадало с политикой народного правительства и порядками рабочей группы, присланной для проведения земельной реформы. Злосчастную наложницу примерно наказали за соращение батрака, а сам батрак лишился возможности превратиться в начальника. Если бы не это, Ван Цюшэ сейчас разъезжал бы на джипе и заправлял делами уезда с миллионным населением. Он так долго лил слезы перед рабочей группой, отвечивая себе увесистые пощечины, что рабочая группа, учитывая его искреннее раскаяние и прошлые страдания, сохранила за ним ранг батрака, звание «героя земельной реформы» и даже выделила ему часть помещичьего имущества. Он получил три му⁸ отличной земли, постельные принадлежности, немало одежды и, главное, Висячую башню на центральной улице села.

Висячей башней назывался загородный дом помещика, где он в базарные дни веселился не только с наложницами, но и с проститутками. Выстроенная из дорогого дерева, она внутри была расписана драконами и фениксами, уставлена позолоченной лакированной мебелью. Единственное, что забыл попросить Ван Цюшэ, – это крестьянскую утварь и быка для пахоты, однако и они ему достались. Получив столь щедрые дары, он несколько ночей

⁸ Китайская мера площади, равная одной шестнадцатой гектара.

почти не спал от радости, а когда наконец закрывал глаза, тут же просыпался, боясь, что волшебный сон пройдет. Потом у него долго болели глаза и голова.

В то время ему, наверное, и пришла в голову мысль, что теперь он может лет восемь, а то и десять жить, потихоньку распродавая полученное богатство, да еще при этом есть и пить вволю. Коммунистическая партия и народное правительство сейчас в силе, перспективы на будущее безграничны: товарищи из рабочей группы, ссылаясь на официальные документы, утверждают, что лет через десять наступит социализм, а затем и коммунизм. Тогда все будет общее: и еда, и одежда, и жилье, и развлечения, так почему бы сейчас не насладиться тем, что имеешь? А потом он тоже станет общим любая женщина может захотеть его и получить. Ха-ха-ха, хи-хи-хи, любая! Он никому не будет отказывать. Воображая предстоящие наслаждения, Ван Цюшэ радостно ворочался и даже кувырвался в помещицкой кровати под большим балдахином на столбах, покрытых красным лаком.

Но уже после земельной реформы ему стало жить не так привольно, как мечталось. Юношей в храме он научился только самым пустяковым делам: быть на побегушках, колотить в гонг, подметать, а к тяжелому и каждодневному крестьянскому труду не был приучен. Он не умел ни пахать, ни сеять, ни полоть, ни снимать урожай. Ведь даже лучшая земля сама не вырастит рис или ячмень, к ней надо приложить руки, пролить немало пота. «Если человек не задобрит землю, земля не задобрит брюхо», – говорят в народе. Когда сажаешь рис на заливном поле, целый день бродишь по колено в воде, согнувшись в три погибели; когда пропалываешь – то же самое, да еще под палящим солнцем. Руки, ноги и поясницу ломит, все лицо в грязи, рубаха не просыхает, и за каждым зернышком – тысяча капель пота! Ван Цюшэ быстро разочаровался в этой работе: одна усталость да грязь. Его будущее явно не в труде земледельца, а в более живых делах. За три года попыток кормиться своим полем сорняков у него вырастало больше, чем хлеба, а всю землю изрыли кроты. В конце концов он решил плюнуть на это, забросил заржавевшие мотыгу и серп и начал потихоньку сбывать добро, полученное во время земельной реформы. Ведь народные деньги, хоть и бумажные, не звенят, как бывлые серебряные доллары, а толку от них больше. Он не смел открыто пуститься в разгульную жизнь, считал, что тонкая струйка долгие течет, но все же начал похаживать в харчевни, попивать винцо и быстро располнел, стал розовым и гладким. Соседи иногда по полмесяца, а то и по месяцу не видели над его Висячей башней дыма от очага: не иначе как он обучился волшебному искусству даосов и умеет без огня жарить кур, уток и прочую снедь, даже посуду может не мыть.

Верно гласят поговорки: «Деньги приходят редко, как золото в земле, а уходят быстро, как песок на отмели» и «Если на горе сидишь, так пустоту и ешь». За несколько лет своей новой жизни Ван Цюшэ и жениться не сумел, и добро почти все спустил. Даже одежда у него снова превратилась в лохмотья, как до революции. Его имя означало «Осенний дар», но односельчане стали произносить последний слог по-другому: то в ровном тоне вместо падающего, и тогда получалось «Осенний торг» или «Осенний транжира», то в поднимающемся тоне, и тогда получалось «Осенняя змея» – имелось в виду, что змеи осенью готовятся к зимней спячке и очень ленивы. Ван Цюшэ считал, что у этих острословов нет никакого классового чутья. В то же время он видел, что другие бедняки после земельной реформы давно встали на ноги: одни собрали себе запас риса, другие построили дома, третьи купили буйволов, четвертые приоделись. Он люто завидовал им и мечтал о новой земельной реформе, которая принесет ему новые победы: «Черт побери, мне бы власть в руки, так я каждый год проводил бы по реформе и делил добро!» Лежа в роскошной кровати, но на рваных циновках, он мечтал о том, кого объявит помещиком, кого кулаком, кого середняком, а кого бедняком. Кем же стать ему самому? «Пожалуй, председателем крестьянского союза! Кроме меня, черт побери, никто для этого не годится».

Конечно, он понимал, что все это пустые мечты. Такое счастье, как дележ добра, бывает лишь раз в несколько поколений. Когда в 1954 году в селе организовали несколько бригад трудовой взаимопомощи, он хотел вступить в одну из них, даже землю свою предложил. Но никто не пожелал принять его, так как все знали, что работать он не умеет, а осенью потребует долю за свой пай. Вот когда в селе образовался сельскохозяйственный кооператив, Ван Цюшэ удалось в него вступить, потому что в кооперативе должен быть председатель, заместители, несколько производственных бригад с бригадирами, группа специалистов, необходимо созывать собрания, о них нужно извещать, выполнять всякие поручения, а для них в свою очередь нужны способные, политически надежные люди с хорошо подвешенным языком и быстрыми ногами. Только на этой ниве мог по-настоящему расцвести талант Вана.

Ван Цюшэ обладал еще одной особенностью: любил помогать соседям – исключая, разумеется, «пять вредных элементов». Когда односельчане устраивали свадьбы или похороны, он являлся на них без приглашения и помогал развешивать поздравительные или траурные надписи, покупать вино и продукты, готовить подарки, передвигать столы и стулья, накрывать на стол и прочее. Все это он делал с большим усердием, в любое время дня и ночи и почти бескорыстно – просто любил пошуметь и поесть вместе с другими. Да и в обычные дни, если кто-нибудь резал свинью или собаку, Ван Цюшэ был тут как тут: ставил котел, грел воду, снимал шкуру, мыл потроха, бегал за вином или сигаретами. Постепенно за ним закрепилась особая миссия – быть всеобщим посыльным. Он ничуть этого не стыдился и смотрел на село как на своего рода большой храм.

Было у него и еще одно преимущество, связанное с тем, что он жил в большом, просторном доме. Когда из уезда или из района присылали какого-нибудь ответственного работника, его обычно подсаляли к Ван Цюшэ. Дом был оригинальный, с открытыми галереями, и гости всегда оставались довольны. Так у Ван Цюшэ завязались кое-какие связи в уезде и районе. Приезжие товарищи, как правило, обладали острым классовым чутьем и сразу видели, что их хозяин от бедности даже жениться не сумел, что кастрюли у него ржавые, чашки выщербленные, очаг полуразвалившийся, одеяло рваное, хоть и лежит на дорогой кровати. Все это явно свидетельствовало о классовом расслоении в деревне. Поэтому всякие вспомоществования, ежегодно направлявшиеся в село – особенно зимой или весной, когда до урожая еще далеко, – попадали первым делом к Ван Цюшэ. Раз в два-три года ему выдавали даже полный комплект одежды на вате. Но потом начался «большой скачок», страна обнищала, и Ван Цюшэ лет пять ничего не получал. Его телогрейка изорвалась, из нее клочьями лезла вата, все пуговицы были потеряны, и он с горя подпоясывался веревкой из рисовой соломы. Иногда ему даже казалось, что руководство не помогает ему потому, что он представляет собой карикатуру на новое общество. Как бы там ни было, а мерз он зимой страшно, не вылезал из насморков и в конце концов побежал к секретарю парткома народной коммуны.

– Товарищ начальник, в 1959 году на выставку классовой борьбы в коммуне взяли мою драную телогрейку, но она все-таки лучше, чем моя нынешняя. Нельзя ли открыть витрину и обменять их?

«Что мелет этот кретин?! – ужаснулся секретарь парткома. – Забрать с выставки рваную телогрейку – все равно что совершить политическую ошибку, расписаться в том, что сегодняшний день хуже вчерашнего. За такие штучки не поглядят по головке ни этого болвана, ни меня!» Чувствуя большую ответственность за воспитание в массах классовой психологии и вместе с тем предвидя, что в ближайшее время новых вспомоществований не будет, секретарь предпочел снять с себя еще не старую телогрейку и отдать ее «герою земельной реформы».

Недаром Ван Цюшэ любил повторять: «Народные правители кормят как родители!» Об этом свидетельствует не только случай с телогрейкой. Каждый раз, когда в село приез-

жали ответственные товарищи для проведения очередной кампании, Ван Цюшэ, помня их милости, усердно бил в гонг или колокол, свистел в свисток, выступал по местному радио, разносил всякие документы, стоял на постах, выкрикивал лозунги на собраниях. Он опирался на ответственных товарищей, а ответственные товарищи опирались на него, поэтому он стремглав бросался выполнять их указания. Ван Цюшэ нуждался в политических кампаниях, а политические кампании нуждались в нем – естественная взаимопомощь.

Мясник Ли Гуйгуй, муж Ху Юйинь, был человеком молчаливым, из каких и тремя молотами слова не выколотишь, но известно, что тихая собака чаще кусает. Именно он сочинил про Ван Цюшэ язвительный стишок, который очень быстро распространился:

К лентяям наша власть добра,
Труда же не заметит,
Хоть гнись с утра до вечера.
А если денег подсобрал —
Начальство рвет и мечет.

Здесь стоит объяснить еще одну причину того, почему Ван Цюшэ даром кормился у лотка Ху Юйинь. Дело в том, что во время раздела помещичьего имущества он кроме большого дома получил маленький участок с фундаментом возле постоянного двора Ху. Ван Цюшэ было вполне достаточно большого дома, поэтому он намекнул Ху Юйинь, что готов уступить ей этот участок за две сотни юаней и право в течение двух лет лакомиться рисом с соевым сыром. Ведь, если Ван Цюшэ сейчас нищ и одинок, это не означает, что он навсегда таким и останется. В свое время даже Сюэ Жэньгуй⁹ три года прожил в соломенной хижине.

⁹ Знаменитый китайский военачальник VII в.

Глава 5. «Пиршества духа» и «Посиделки»

Вы еще помните так называемые «пиршества духа» или хотя бы слышали о них? Это достопримечательность общественных столовых 1960 – 1961 годов. В то время члены народных коммун по несколько месяцев не видели ни мяса, ни масла (за год съедали в лучшем случае кусочек мяса, белков и жиров тоже не хватало), зато клетчатки был избыток – в виде грубых овощей и листьев. Люди исхудали так, что живот прилипал к позвоночнику, желудок чуть не вылезал через пупок. Вина за все это лежала, разумеется, на империалистах, ревизионистах, господе боге и «пяти вредных элементах», которые специально пакостили народным коммунам и общественным столовым. Потом к этим вредителям присоединились Пэн Дэхуай, Лю Шаоци и Дэн Сяопин, боровшиеся против политики «трех красных знамен»¹⁰ и кормежки из общего котла. Чем же плохо кормиться из общего котла? Да только тем, что в нем варили одну капусту или редьку, даже растительного масла не могли добавить. «Вспомните, как прежде страдали красноармейцы!» – призывали газеты. Действительно, во время революции многие герои ели траву и древесную кору, гибли за народ, причем гибли с радостью, но, если бы с того света они могли увидеть, что едят их потомки в общественных столовых, им осталось бы лишь печально вздохнуть. Разве члены заholустной коммуны могли понять те туманные теории, которые развивались в кабинетах высоких зданий? Эти теории казались им чем-то вроде мистических восьми триграмм,¹¹ заворазивающих душу. Народ живет прежде всего пищей, а члены коммуны знали только голод да вкус воды во рту.

Иногда удавалось съесть колобков из папоротника, но от них кал становился точно железным и выходил с кровью, если выходил вообще. Днем было еще ничего, а ночью от голода не спалось, и тогда люди стали восполнять материальную пустоту разумом. Они начали собираться вместе и вспоминать, что каждый из них и когда ел самого вкусного: целую курицу, целую рыбку, сочные котлеты, румяные окорока, большие куски тушеного мяса, под тяжестью которых прогибались палочки для еды, мясо, сваренное на пару, мясо по-мусульмански... Зимой с первым снегом горцы больше всего любили есть пахучую жирную собачатину, поэтому и говорят, что, если в одном доме тушат собачатину, в четырех домах нюхают. Когда ее едят, все лицо в жире, тело пылает, уже сыт, а съесть хочется еще и еще. Собачатиной из-за ее сильного запаха не принято угощать гостей, но она вкусна и усиливает половую активность, так что если мужчина выехал по делам из дому, то ему лучше есть ее поменьше – иначе обязательно что-нибудь натворит.

Сельчане рассказывали, слушали, и перед их глазами как будто возникали дивные яства, нос чуял соблазнительные ароматы, рот наполнялся слюной. Дни были длинные, они успевали многое съесть в мечтах и надеялись, что когда-нибудь эти мечты осуществятся. За десять с лишним лет после освобождения в деревне появилось немало грамотеев, которые сумели придумать изысканное название для таких сходов: «пиршества духа». Это название продержалось не очень долго: где полгода, где год. Разве за пять тысяч лет существования нашего государства на его обширной территории редко свирепствовал голод? Были и трупы, и человеческие кости на дорогах... Что по сравнению с этим какие-то «пиршества духа»? Когда сопоставляешь Яньань и Сиань,¹² они соотносятся как один к девяти. К тому же новый Китай приходилось создавать почти на пустом месте, голыми руками, все было внове – госу-

¹⁰ Тремя красными знаменами были объявлены в Китае конца 50-х годов «большой скачок», генеральная линия и народные коммуны.

¹¹ Сочетания из трех сплошных или прерванных линий, служившие в старом Китае для гадания.

¹² Яньань – столица освобожденного района в Китае 40-х годов. Сиань (Чанъянь) – одна из древних столиц Китая

дарству всего одиннадцать лет, – и за создание нового общества приходилось платить. Сейчас это уже история, а за достижения и просчеты пусть нас судят потомки.

Весенней ночью 1963 года в доме Ху Юйинь и ее мужа Ли Гуйгуя проходило «пиршество духа» иного рода. Они были женаты уже семь лет, жили в согласии, а вот потомства не имели. Будучи мясником, то есть человеком кровавой профессии, Ли Гуйгуй, как это ни странно, отличался большой робостью. Когда он встречал на дороге буйвола с красными глазами и кривыми рогами или злую собаку, он весь дрожал и прятался в сторонку. Над ним смеялись и спрашивали:

– Гуйгуй, почему же ты свиней не боишься?

– Свиней? Ведь они глупые, не кусаются, да и без рогов. Только и знают, что хрюкать!

В ответ смеялись еще громче, но он не обращал внимания. Единственное, что по-настоящему его огорчало, так это насмешки некоторых дотошных людей над его мужской неполноценностью, над тем, что его красивая жена до сих пор ходит бездетная, точно пустая ваза. Он втайне от всех, в том числе и от жены, ел самые заветные места кобелей и хряков – ничего не помогало. Иногда он из-за этого даже уснуть не мог, но вздыхать боялся, чтобы не расстроить жену, только приговаривал:

– Эх, Юйинь, хорошо бы тебе родить сыночка! Можно и дочурку.

– Конечно, я тоже волнуюсь, ведь мне уже двадцать шесть!

– Если родится сынок, я все для него буду делать: и пеленки стирать, и подгузники, и вставать к нему ночью...

– Может, и грудью будешь кормить? – смеялась Ху Юйинь.

– Нет, это уж ты. У меня грудь не такого размера!

Как видите, Ли Гуйгуй иногда умел быть остроумным, даже дерзким.

– Как тебе не стыдно, хулиган!

– Я буду каждый день класть его рядом с собой и напевать: «А-а-а, спи, мое золотце, спи, мое золотце...» А днем буду носить его на руках и все время целовать в личико. И дам ему прозвище: Поцелуйкин...

– Не смей больше говорить, не смей!

– Что такое? Что плохого я сказал?

– Ты просто помешался на сыночке. У-у, бессовестный, нарочно обижаешь! У-у-у... – начинала плакать Ху Юйинь.

Ли Гуйгуй не понимал, что, когда женщина не может родить, она считает себя чем-то вроде курицы, не способной нести яйца.

– Ладно, ладно, Юйинь... Ну, хорошая моя, я же не виню тебя ни в чем. Перестань плакать, а то глаза заболят. Смотри, уже вся подушка мокрая! – Ли Гуйгуй раскаивался, что заговорил о ребенке, и успокаивал жену так, будто она сама была ребенком. – Даже если ты никого не родишь, я не буду винить тебя. Мы ведь живем вдвоем, руки у нас есть, и в бригаде работаем, и дома прирабатываем, так что живем не хуже людей. А когда состаримся, будем ухаживать друг за другом. Если не веришь, я готов поклясться...

Клятвы считались дурным предзнаменованием, поэтому Ху Юйинь мгновенно перестала плакать, приподнялась на постели и зажала мужу рот рукой:

– Замолчи сейчас же, а то дам как следует! Еще беду накличешь своими клятвами! Это моя вина, что у нас нет ребенка... Хотя ты и не винишь меня, а некоторые мои покупатели иногда такое говорят...

С тех пор как Ху Юйинь была вынуждена расстаться с Ли Маньгэном и выйти за его родственника, она перенесла всю свою любовь, всю нежность на мужа. Она была уверена, что несет мужчинам несчастье, и дорожила Ли Гуйгуем больше, чем собой.

Накануне каждого базарного дня, чтобы приготовить рисовый отвар, нужно было наносить воды из реки и намолоть риса на ручной мельнице. В этот день супруги допоздна, по

четыре-пять часов подряд, стоя по обе стороны мельницы, вращали за ручки каменный жернов. Ху Юйинь, кроме того, должна была ровной струйкой сыпать в жерло мельницы рисовые отходы. Супруги стояли напротив лицо в лицо, глаза в глаза и часто, чтобы скоротать время, болтали за все про все. Тут уж Ху Юйинь не плакала, а, наоборот, подтрунивала:

– Знаешь, по-моему, когда дети не родятся, в этом виновата не только женщина...

– Видит небо, мы с тобой оба крепкие и ничем не больны! – У Ли Гуйгуя тоже было мужское самолюбие, и он не хотел брать вину на себя.

– Учительница из школы говорила, что сейчас можно на этот счет провериться в больнице. Там осматривают и женщин и мужчин... – краснея, замечала Ху Юйинь.

– Как осматривают?! Голыми? Ты иди, если хочешь, а я не снесу такого позора! – Ли Гуйгуй краснел, точно осенняя хурма, еще сильнее жены.

– Не сердись, я просто так сказала. Это не значит, что обязательно нужно идти... – быстро сдавалась жена. Они оба считали, что зачатие зависит от природы, а не от человека. Но порой Ху Юйинь выходила из себя и, глядя на мужа, думала о том, в чем никогда не посмела бы признаться: «Тебе нужен ребенок или только моя верность? Может быть, сделать так, как советует этот подлюга Ван Цюшэ, и лечь под другого мужика?... Ой, до чего я додумалась, бесстыдница! Видать, я и сама хороша...» Муж, казалось, понимал, о чем она думает, и тоже холодно смотрел на нее: «Ты только попробуй, только попробуй! Я тебе все ноги переломлю!» Так они молча обменивались тайными мыслями, хотя и знали, что никогда их не осуществят: горцы – народ, как правило, небогатый, но честь и верность, хоть это и пахнет феодализмом, ценят больше жизни.

Ху Юйинь была малограмотной (после революции она училась только на курсах ликвидации неграмотности) и считала, что ребенка у них до сих пор нет по двум причинам. Первая – несовпадение судеб ее и мужа. Она часто вспоминала слепого гадалея с посохом и лютней за спиной, которого встретила, когда ей было тринадцать лет. Он проверил восемь иероглифов, обозначающих время ее рождения, и сказал, что судьба у нее хорошая, но слишком независимая, подавляющая мужчин. Ей обязательно нужно искать мужа, родившегося под знаком дракона или тигра и занимающегося – страшно вымолвить! – убийствами. Родители Ху Юйинь так и сделали, но потратили на это несколько лет, потому что выполнить условия гадалея было нелегко. К тому же им требовался примак, чтобы помогать по хозяйству, а в примак не каждый шел.

В конце концов старики были вынуждены несколько ослабить требования и так нашли Ли Гуйгуя. Единственный сын мясника, наследовавший его ремесло, он и в самом деле занимался убийствами, причем ежедневно, был силен, красив, честен, но родился под знаком мыши и отличался большой робостью – краснел при одном виде женщин. И все же его профессия и человеческие качества делали его чуть ли не единственно возможной кандидатурой; во всяком случае, в круг, очерченный гадалею, он более или менее попадал. Когда выбираешь дыни из корзины, выбор не больно велик!

Второй причиной своего бесплодия Ху Юйинь считала их чересчур пышную свадьбу – явно дурное предзнаменование. Из всех девушек села, пожалуй, ни одна не выходила замуж так торжественно. До сих пор сельчане частенько с завистью вспоминают ее свадьбу.

Это было в 1956 году, когда в горы Пяти князей для сбора фольклорных произведений и укрепления связей искусства с жизнью приехал уездный ансамбль песни и пляски. Руководил ансамблем Цинь Шутянь, которого впоследствии прозвали Помешанным Цинем. Члены ансамбля – молодые, красивые, будто ангелы, сошедшие с картинки, – все время пели, танцевали и совершенно заворовали сельчан. Наверное, еще никогда с той поры, как Паньгу¹³ сотворил мир, на земле не было такого счастья. Правда, до освобождения жительницы села

¹³ Согласно китайской мифологии, первопредок, первый человек на Земле.

частенько устраивали красочные свадебные обряды – так называемые «Посиделки». Перед замужеством девушки – неважно, бедной или богатой – все сельчане собирались у нее и два дня подряд, а то и дольше, пели и танцевали. Песен было больше сотни: «Проводы сестрицы», «Величальная», «Уговоры», «Проклятая сваха», «Жалоба невесты», «Песня носильщика паланкина» и другие. В них звучали и тоска невесты по девичьей жизни, и сомнения насчет предстоящего брака, и недовольство феодальной моралью, по которой свадьбы устраивались против воли молодых. Например, в «Жалобе невесты» говорилось:

Мне восемнадцать, три года мужу,
Уснет – в постель напустит лужу.
Он веника не выше ростом,
Пуховой подушки не тяжелей.
Едва проснется – как грудь попросит,
Его бы к матери, а не к жене!

Или возьмем песню «Проклятая сваха»:

У свахи-свашеньки язык как мельница.
Небыль мелется, лжа не кончается:
У жениха земли полсвета, не менее,
А невеста – писаная красавица.
У свахи белое идет за черное,
За ровный путь у ней идут колдобины,

А через ямы путь – дорожка торная.
Ослепли родичи, ей околдованы.
Но обожралась она курятиной.
Корежит гнет ее до треска костного,
Когда ж уляжется навеки спать она,
То похороним на перекресточке.
Пускай коровы разроют ее копытами,
Над ней собаки урчат пусть сыто!

Мелодий в «свадебных посиделках» было больше, чем самих песен. Одни – простые, игривые, как в горных, то есть любовных, песнях, другие – быстрые, четкие, как в частушках, третьи – печальные, словно жалобы, бередящие душу. И во всех – яркий крестьянский колорит, запах земли.

Цинь Шутянь и сам родился здесь, его отец держал когда-то частную школу. Вместе с артистками он записывал песни из «свадебных посиделок», стараясь акцентировать их антифеодалное звучание. Потом, с помощью двух работников уездного правительства, долго уговаривал родителей Ху Юйинь сделать ее свадьбу образцово-показательной и в конце концов добился своего. Мать девушки, несмотря на возраст, была заводилой на посиделках, а Ху Юйинь с малых лет помогала ей и умела петь все сто с лишним песен. Если добавить к этому, что она была красива, подвижна и голосиста, то не мудрено, что и она со временем стала заводилой, Цинь Шутянь и актрисы жалели, что такая девушка уже в девятнадцать хоронит себя в семье.

Накануне свадьбы постоянный двор Ху был украшен цветными лентами и фонарями, Ху Юйинь и артистки нарядились особенно красиво – словом, искусство и жизнь как бы слились воедино. Женщины села, окружив их, подпевали:

Синяя юбка, красный платок —
Лелеяла матушка, а отдает за свиное рыло.
Выдает замуж – лишается дочки.
Цветист паланкин, да не избыть печали.
То не в птиц лесных швыряют камни,
То любимых навек разлучают,
Отец с матерью разлучают...
Но любимый по-прежнему в девичьем сердце.
Мы поем: живите в мире да любви,
Мы прощальную поем подружке,
Мы ее, сестрицу, провожаем —
Завтра с ней не перемолвишься словечком.
Мы прощальную поем подружке —
Завтра ей не слушать наших песен;
Выдать замуж, будто воду за ворота вылить,
Женская судьба бумаги тоньше...

Женщины пели, танцевали, плакали; Ху Юйинь тоже пела и плакала. Печально ей было или радостно? Она сама не знала и двигалась как во сне. Вокруг мелькало что-то красное, зеленое, блестящее; артистки, похожие на ангелов, то подступали к ней в танце, то снова расходились... Наверное, Цинь Шутянь, желая усилить антифеодальную сторону обряда, убрал из него все светлое и шутовское, поэтому свадьба стала выглядеть слишком мрачной: даже жених загрустил, а старики боялись, что пышность свадьбы не к добру. В конце концов Цинь Шутянь почувствовал это и велел всем хором спеть песни «Восток заалел» и «Ясно небо над освобожденным районом». Они были несколько притянуты за уши, но зато свидетельствовали о победе добра над злом, света над мраком.

Вскоре Цинь Шутянь со своим ансамблем вернулся в город и поставил там большое песенно-танцевальное представление «Женские посиделки». Оно с успехом прошло и в уезде, и в области, и в провинции. Цинь Шутянь опубликовал в провинциальной газете статью об антифеодальном фольклоре, который помогает заклеить старое и выдвинуть новое; прославился, получил премию. Но судьба изменчива; на следующий же год, во время борьбы против правых, это представление было объявлено большой ядовитой стрелой, пущенной в новое общество, наглым и предельно реакционным опошлением социализма под видом борьбы с феодальной моралью. На Цинь Шутяня «надели шапку правого», сняли с работы и отправили на родину для «труда под наблюдением масс». С тех пор Цинь и появлялся на рынке каждый базарный день. Одни говорили, что он кормится плетением соломенных сандалий, другие – сбором окурков, но все называли его Помешанным Цинем.

Хотя разоблачение Циня и не задело Ху Юйинь с мужем, они считали, что он до некоторой степени виноват в их несчастье. О каком феодализме или антифеодализме может идти речь в новом обществе? Со времени революции прошло уже семь лет, а Цинь надергал каких-то старых песен и вообразил, будто борется против феодализма. В результате он нарушил закон, был причислен к «пяти вредным элементам», а Ху Юйинь после этого никак не может родить, восемь лет остается бесплодной.

Глава 6. Помешанный ЦВУМ

На общественной уборной, что стоит за сельской столовой, появился контрреволюционный лозунг. Уездный отдел общественной безопасности тут же прислал для разбирательства двух оперработников, которые поселились у Ван Цюшэ, в бывшем помещичьем доме. Они рассматривали Вана как свою опору в этом деле, потому что он был из бедняков, политически надежен и быстр на ноги. Что же писалось в контрреволюционном лозунге? Об этом знали только заведующая столовой и оперработники, а остальным знать не полагалось, дабы не распространять реакционную заразу. Ван Цюшэ тоже знал кое-что, но уважал дисциплину, государственную тайну и молчал, точно запечатанный кувшин. Остальные сельчане нервничали, подозревали друг друга.

Ли Госян и Ван Цюшэ посоветовали оперработникам не считать Лотосы незначительным местом: здесь устраиваются базары, сходятся дороги и водные пути, а люди снуют, словно рыбы, змеи и драконы. Кроме того, в селе есть целых двадцать два человека, принадлежащих к «пяти вредным элементам», то есть к помещикам, кулакам, контрреволюционерам, уголовникам и правым. В это число не входят их родственники и другие люди с неясным прошлым и сложными общественными связями. Разве в селе, где устраиваются базарные дни, можно найти хотя бы несколько порядочных, незапятнанных людей? Разве сюда не приезжают пьянствовать, играть в азартные игры и путаться с проститутками, как бывало в старом обществе? Даже государственные работники и служащие, члены партии – все так или иначе связаны родственными или приятельскими узами с остальными жителями села (четко отделить одних от других нет никакой возможности).

Оба оперработника внимательно изучили расстановку и соотношение классовых сил в селе и решили не закидывать сеть слишком широко. Для начала они вместе с Ли Госяном и Ван Цюшэ, как полагалось при таких расследованиях, устроили «покаянное собрание» «пяти вредных элементов». Наблюдением за их перевоспитанием всегда руководил начальник охраны объединенной бригады. Летом 1962 года, когда сложилась напряженная обстановка в Тайваньском проливе, власти распорядились, чтобы начальник охраны был одновременно секретарем парторганизации. Так надзор за «пятью вредными элементами» перешел к Ли Маньгэну. Он в надлежащие сроки организовывал «покаянные собрания» и, «борясь ядом против яда», назначил над вредителями старосту, который их собирал, строил, устраивал среди них перекичку и докладывал начальству. Этим старостой оказался Помешанный Цинь.

Ему было уже за тридцать, но его сердце еще не сгорело, как не гибнет зимний камыш после пала, он принадлежал к породе оптимистов. Пользуясь своим дальним родством с Ли Маньгэном, он, после своего увольнения из ансамбля песни и пляски, неоднократно обращался в партийную организацию объединенной бригады с просьбой считать его не правым, а уголовным элементом. Цинь утверждал, что он не выступал против партии и народа, однако сожительствовал с двумя танцовщицами ансамбля. Честно признаваясь в этом грехе, не вскрытом во время борьбы против правых, Цинь полагал, что ему в самый раз именоваться дурным элементом. Ли Маньгэн был в немалом затруднении, но потом решил, что правый или дурной – змеи из одной корзинки, и на ближайшем собрании объявил Циня дурным элементом. Затем, учитывая его грамотность, хороший почерк и явные организаторские способности, сделал его начальником вредителей.

На этом посту Цинь Шутянь оказался очень полезным Ли Маньгэну. Каждый раз, когда требовалось созвать «покаянное собрание», достаточно было крикнуть: «Помешанный Цинь!» – и тот мгновенно откликнулся своим звонким голосом: «Здесь!» Слегка размахивая

согнутыми в локтях руками, точно учитель физкультуры в школе, он подбегал и, щелкнув каблуками, отдавал честь:

– Гражданин начальник, уголовный элемент Цинь Шутянь прибыл. – Доложив, он склонял голову в знак почтения и раскаяния.

Ли Маньгэн и другие кадровые работники сначала потешались над такими выкрутасами, но потом привыкли.

– Помешанный Цинь, наостри уши! – кричал кто-нибудь из них. – Сегодня после ужина собери всех вредителей у правления объединенной бригады!

– Слушаю, гражданин начальник, ваш приказ будет выполнен! – отвечал Цинь Шутянь и тем же спортивным шагом бежал в сторону. Вечером в назначенное время вредители действительно стояли у входа в правление, склонив головы, всем своим видом напоминая большие крючки. Начальству оставалось только принимать парад.

Цинь Шутянь проводил среди вредителей собственную политику и частенько говорил им:

– Хотя мы все и занесены в одну книгу и все считаемся черными бандитами, черный цвет тоже имеет свои оттенки. К примеру, ты – бывший помещик, до освобождения нещадно эксплуатировал народ, пил его кровь. Ясно, что ты – крупный вредитель. А ты был кулаком, то есть и сам трудился, но одновременно тиранил батраков, скупал землю, занимался ростовщичеством, старался подражать помещикам – значит, недалеко от них ушел. Ты же – контрреволюционер, то есть стремишься не только к богатству, но и к реакционным идеям, реакционным действиям, являешься сознательным врагом народа. Ты – самый опасный из «пяти вредных элементов». Если намерен продолжать в том же духе, пощупай сначала свою шею и сообрази, сколько голов на ней растет!

– А ты? Ты сам что за птица? – иногда спрашивали его недовольные помещики, кулаки или контрреволюционеры.

Я? Я, как вам хорошо известно, дурной элемент. С ними дело обстоит более сложно, они бывают очень разными. Одни из них – воры и грабители, другие – насильники, третьи – взяточники, четвертые – хулиганы, пятые – азартные игроки. Но их социальное происхождение, как правило, не так уж дурно, а среди «пяти вредных элементов» они самые безобидные. В общем, после смерти все мы попадем в разные круги ада, если там действительно восемнадцать кругов!

Он говорил очень вдохновенно, будто Желая подчеркнуть свое превосходство над другими вредителями. Но почему-то никогда не называл правых: не анализировал их «преступлений» и не упоминал, в какой именно круг ада они попадут.

Бывший учитель музыки и руководитель уездного ансамбля Цинь Шутянь хорошо пел, умел играть не только на многих музыкальных инструментах, но и в шахматы, владел каллиграфией и живописью, отлично мастерил пляшущих драконов и играющих львов для праздничных шествий. Даже в обычные дни он постоянно что-нибудь напевал или имитировал удары в гонги и барабаны. В голодные годы, когда политические гайки в деревне завинчивались не так туго, крестьяне приглашали его петь или играть на свадьбах. Он устраивал красочные представления с фонарями и сидел за столом рядом с бедняками и середняками. Искусство помогало ему и делало его в глазах людей непохожим на остальных вредителей. Кроме того, во время разных политических кампаний власти требовали писать на стенах, крышах и даже на скалах крупные лозунги: «Больше стали, больше зерна!», «Против правых, против консерваторов!», «Коммунизм – это рай, народные коммуны – мост к нему», «Да здравствует политика трех красных знамен!» и прочее. Большинство этих лозунгов было написано почерком Цинь Шутяня – свидетельство его желания загладить свою вину.

Однажды – то ли стремясь продемонстрировать полное обновление, то ли по другой причине – Цинь Шутянь употребил свой обоюдоострый музыкальный талант для сочинения песни. И музыку и слова он написал сам, назвав ее «Песней пяти вредных элементов»:

Пять вредоносных в замыслах ловки,
Народ и партию они не ценят.
Но коммунары крепко держат винтовки
И любого могут поставить к стенке.
Признайтесь честно, каких натворили бед,
Скажите, что каждый законам рад,
Только тогда озарит вас свет
И воссияет стократ.

Цинь Шутянь написал эту песню на маршевый мотив, с явными элементами фольклора, и был очень доволен ею, даже требовал спеть ее на очередном «покаянном собрании». Но упрямые вредители не желали открывать рта, да и Ли Маньгэн, посмеявшись, рекомендовал Циню отказаться от этой затеи. К счастью, сельские ребята уже успели выучить песню и всюду распевали ее, поэтому она все же получила некоторый общественный резонанс.

Что же касается взрослых, то они по-разному смотрели на Цинь Шутяня. Одни считали его чуть ли не местным академиком: много читал, много видел, знаком и с прошлым, и с настоящим, и с китайским, и с заграничным, и с астрономией, и с географией, и с политикой. Он может объяснить, что появилось раньше – курица или яйцо; почему американские рабочие не восстают, а американские коммунисты не уходят в горы и не ведут партизанскую войну; существует ли на свете бессмертие; действительно ли на Луне растет коричневое дерево и стоит дворец вечного холода. Обо всем этом он мог порассуждать и еще сослаться на марксизм-ленинизм и исторический материализм. Некоторые малограмотные сельчане слушали его как пророка и считали, что он знает все на земле и почти все на небесах. Другие, напротив, были уверены, что он лишь притворяется честным и активным, и сравнивали его с гнилым бататом, у которого только кожура целая. Третьи полагали, что он какой-то невротичный человек, заставляющий себя веселиться в самых страшных условиях. Четвертые говорили, что днем он смеется, напевает, подражая музыкальным инструментам, а вечером плачет в своей лачуге – ведь ему уже больше тридцати, а он все еще холостяк, да к тому же с ярлыком уголовного элемента. Народные ополченцы, стоявшие на посту у Лотосовой, много раз видели, как он бродит по берегу. Может, хочет броситься в воду и утопиться, а может, размышляет о своем прошлом и будущем...

Так или иначе, но сельчане не презирали Цинь Шутяня. Он всегда улыбался людям, здоровался с ними, и люди, как правило, отвечали ему тем же. Многие были не прочь посидеть с ним на краю поля, отдохнуть в холодке, свернуть сигарку.

– Братец Цинь, спой нам что-нибудь!

– Нет, лучше расскажи про Лю Бэя, Сунь Цюаня или Юэ Фэя!¹⁴

– В прошлый раз ты еще недорассказал про Фань Лихуа...¹⁵

Даже девушки и молодые женщины не робели перед ним и, случалось, просили:

– Помешанный Цинь, приставь к дому лестницу, разложи на крыше эту бататовую кожуру, пусть подсохнет!

¹⁴ Герои китайского средневековья, очень популярные в народе – главным образом благодаря историческим драмам и романам.

¹⁵ Девушка-воительница VII в., героиня многих китайских драм.

– Помешанный Цинь, иди скорее сюда! У моей матери вдруг открылось кровотечение, сбегай в медпункт за фельдшером!

Деревенские ребяташки, не разбираясь в классовых различиях, просто называли Циня «дядей Помешанным», по-видимому думая, что это его имя.

* * *

Двадцать два вредителя со склоненными головами, ведомые Цинем, вошли в подвал общественной столовой, пропахший кислой капустой, взяли каждый по кирпичу или куску черепицы и расселись на полу. Вслед за вредителями вошли заведующая столовой Ли Госян, вечный активист Ван Цюшэ и два оперработника. Один из работников, держа в руках список, начал выкликать вредителей по именам, а они должны были докладывать о своих преступлениях. Взгляды оперработников сверкали холодным блеском, точно мечи; казалось, они видят каждого насквозь. Когда очередь дошла до одного «контрреволюционера с дореволюционным стажем», из дальнего угла неожиданно откликнулся детский голос, принадлежавший мальчику лет одиннадцати или двенадцати. Оперработники несколько удивились: когда этот сопляк, родившийся после революции, успел стать старым контрреволюционером? Но Цинь Шутянь поспешно доложил, что речь идет о дедушке этого парня, а у того чахотка, кровохарканье и вообще он не встает с постели, вот и пришлось вызвать его внука; если у начальства будут какие-нибудь указания, внук все передаст. Ван Цюшэ, обозлившись, плюнул в сторону мальчишки: – Убирайся отсюда! Оказывается, у этих вредителей уже потомки есть... Сколько же поколений мы будем с ними бороться?

Затем Ли Госян раздала каждому вредителю по листу бумаги и велела писать следующий лозунг: «Да здравствуют три красных знамени – большой скачок, генеральная линия и народные коммуны!» Писать нужно было дважды: один раз правой, а другой раз левой рукой. Опытные вредители сразу поняли, что это связано с контрреволюционным лозунгом, появившимся в селе, с необходимостью сверить почерки, и ничуть не испугались. Они знали, что, когда что-нибудь случается, расследование всегда начинают с них. А те, что потрусливее, дрожали от ужаса, как будто их лишали жизни или по крайней мере родителей.

Оперработников и заведующую столовой очень огорчило то, что из двадцати двух вредителей чуть не половина оказалась неграмотной и всячески доказывала это. Ван Цюшэ объяснил:

– Все крупные помещики и богатеи из нашей округи еще накануне революции сбежали в Гонконг и на Тайвань, а осталась всякая мелочь пузатая – грязные свиньи и собаки!

Зато Цинь Шутянь попросил у заведующей даже лишний лист бумаги и каждый из них исписал ровными, крупными, будто напечатанными иероглифами. Впрочем, его почерк вполне можно было проверить и по тем лозунгам, которые были начертаны на стенах или на скалах. Остальные грамотные вредители тоже заполнили свои листы; оперработники и заведующая после недолгого совещания снабдили каждого полезным напутствием – о том, как им нужно подчиняться закону, – и только тогда отпустили.

Главное подозрение падало на Цинь Шутяня, но когда опросили кадровых работников села, те в один голос отвечали, что он в последние годы ведет себя очень хорошо, активно трудится и ни в чем дурном не замечен. Да и почерк его не совпадал с тем, каким был написан лозунг на уборной. Тогда Ли Госян и Ван Цюшэ предложили проверить Ху Юйинь, которая своим кокетством разлагает местные кадры; к тому же отец ее был бандитом, а мать – проституткой. Оба оперработника в первый же базарный день пошли к лотку Ху Юйинь, взяли по миске рисового отвара с соевым сыром, сидели целых полдня, смотрели во все стороны, но увидели лишь, что хозяйка – красивая, улыбчивая баба, которая со всеми обращается приветливо и обслуживает так, как, к сожалению, и не снилось общественной столовой. К тому

же Ху была малограмотна: как она смогла бы написать контрреволюционный лозунг? Да, она занимается мелкой торговлей, но зачем ей ругать политику трех красных знамен, когда именно эта политика позволила ей держать лоток?

Поскольку никаких других ниточек больше не нашлось, заведующая столовой дала оперработникам еще один совет: с помощью партийных и молодежных ячеек провести во всей объединенной бригаде политзанятие. Пусть каждый грамотный напишет о трех красных знаменах, а потом сверим. Провели и эту кропотливую работу, но никаких следов опять не обнаружили.

Небольшая еловая доска из стены общественной уборной стала поводом для взаимных подозрений и пересудов всего села. Люди испуганно озирались друг на друга, каждая травинка или хворостинка казалась им врагом, все чувствовали, что в любой момент могут стать жертвами расследования. В конце концов оперработники выломали эту проклятую доску и увезли ее с собой в качестве вещественного доказательства, но дело с контрреволюционным лозунгом так и осталось нераскрытым. Это означало, что над Лотосами по-прежнему висят черные тучи, а по главной улице, вымощенной каменными плитами, продолжают бродить демоны реакции.

Для вылавливания их Ван Цюшэ был назначен заместителем начальника охраны объединенной бригады и каждый месяц получал за это двенадцать юаней из уездного отдела общественной безопасности. Положение заведующей столовой тоже укрепилось и даже повысилось. Она стала новым негласным вожакom села и уже соперничала со старым вожакom – заведующим зернохранилищем Гу Яньшанем. Выпятив увядшую грудь и гордо задрав пожелтевшее лицо со следами косметики, она шествовала по главной улице и чуть ли не у каждого дома останавливалась с вопросами:

– К вам приехали гости? Не забудьте зарегистрировать их у заместителя начальника охраны Вана. Нужно указать точное время прибытия, время убытия с места жительства, социальное положение, характер отношений с вашей семьей, предъявить документы...

– Вы в каком году повесили этот лозунг? Слова «народная коммуна» давно стерлись и ни на что не похожи, а под портретом председателя Мао почему-то вбит бамбуковый кол и повешена травяная накидка!

– Старик, как ты думаешь: сколько за один базарный день зарабатывает эта торговка рисовым отваром и соевым сыром? Я слышала, что ее муж покупает кирпич и черепицу, хочет строить новый дом...

– Ты ведь живешь рядом с лачугой правого элемента Цинь Шутяня? Следи за тем, что он делает и кто к нему ходит... Заместитель начальника охраны Ван специально придет к тебе и даст указания...

Заведующая говорила мягко и заботливо, как бы предостерегая. Но людям от подобной заботы становилось тяжело и страшно. Воистину, когда коршун залетает в горы, все птицы немеют. Завидев ее на улице, сельчане переглядывались и замолкали, даже кошки и собаки разбегались по подворотням. Казалось, что в кармане у Ли Госян спрятана книга, где записаны судьбы всех жителей села. Крестьяне, прежде такие спокойные и радушные, начали смутно чувствовать, что с появлением в столовой новой заведующей авторитет прежнего вожака Гу Яньшаня изрядно поблек и это сулит неисчислимые бедствия.

Глава 7. Солдат с севера

С тех пор как Гу Яньшань в овчинном полушубке и тяжелых ботинках пришел на юг с Народно-освободительной армией и был оставлен на работе в Лотосах, прошло ровно тринадцать лет. Даже его северный выговор уже приобрел местный оттенок и стал походить на тот «общепринятый язык», который понимали жители села. Он приучился есть сильно наперченную еду, змей, кошек и собак, но это вовсе не означает, что он был варваром, каким иногда казался. Высокий, сильный, с толстыми заросшими щеками и глазами навывкате, он выглядел несколько устрашающе. Вначале стоило ему только встать посреди улицы и упереть руки в бока, как ребятишки в страхе разбегались. Матери порою пугали им своих детей: «Не плачь, а то бородатый солдат заберет!» На самом же деле он был вовсе не злым и даже не вспыльчивым. Когда сельчане узнали его получше, они поняли, что у него лицо демона, но сердце бодхисатвы, который добровольно возвращается из нирваны в этот мир, чтобы спасти других людей.

Вскоре после революции он привез с севера белую полную женщину с черной косой и женился на ней, однако не прошло и двух недель, как его жена со слезами уехала и больше не вернулась. Никто не слышал, чтобы у супругов происходили ссоры; между ними, что называется, даже комар не пролетал. Тем обиднее все это было для Гу Яньшаня. Жену он ни в чем не винил, а только себя, чувствуя, что невольно обманул ее. Много месяцев он ходил по селу, не смея поднять глаз от позора. Люди не знали толком, что произошло, думали, он потерял какой-нибудь важный документ, а может, во время своих партизанских скитаний по северу был ранен в пах или подхватил дурную болезнь. Ведь женщины, заразившись, порою лечились, а мужчины очень редко признавались в таких болезнях, боясь, что их поднимут на смех. К тому же вокруг свистели пули, рвались гранаты, людей то и дело засыпало землей, так что им оставалось лишь проверять на ощупь, целы ли руки и ноги. Люди боролись за родину, за свободу, считали, что все остальное может подождать. Кто тогда не соглашался терпеть боль и страдания во имя революции? Некоторые герои носили в своих телах пули и осколки, не имея времени избавиться от них. Гу Яньшань тоже считал, что займется лечением, когда доживет до победы, до спокойной жизни. Но его грубоватый, умный командир (это был настоящий боевой командир тех лет, любивший солдат как братьев) видел в походах, как страдает его комвзвода. Он оставил Гу Яньшаня на работе в Лотосах – самом красивом месте из тех, где они проходили.

К сожалению, и здесь Гу Яньшань стеснялся пойти в больницу, только принимал тайком разные травы, но без успеха. Деятельно боровшийся против феодализма, он не был свободен от феодальных предрассудков и с ужасом представлял себе, как люди в белых халатах, в том числе женщины, разденут его догола и станут изучать, словно жеребца. Нет, он не вынесет такого чудовищного позора! Потом кто-то сказал ему, что, если мужчина женится, он может естественным путем избавиться от некоторых болезней. Гу Яньшань долго колебался и в конце концов решил по крайней мере не жениться на местной: если что-нибудь не сладится, легче будет дать задний ход, да и в селе будет меньше разговоров. Последующее развитие событий показало, что он был прав, хотя намного легче от этого ему не стало. Отвергнув науку, он лишился помощи с ее стороны и всю жизнь был вынужден посылать деньги жене, чтобы загладить свою вину.

Об этом происшествии в селе судачили долго и в конце концов пришли к выводу, что дело все-таки не в ранении, а в болезни, о которой порядочным людям и сказать-то неприлично. Некоторые сердобольные, но глупые женщины еще пытались сватать Гу Яньшаню невест, однако он каждый раз отказывался. Постепенно все сельчане как бы дали зарок молчания на эту тему и уже больше не беспокоили Гу. Приключение с Ли Госян, которая пыталась его очаровать, было, наверное, последним. Ясно, что никто и не подумал предупредить новую заведующую столовой, поэтому ее любовные призывы и наткнулись на стену.

Не имея потомства, Гу Яньшань тем не менее был чадолюбив. Со временем добрая половина молодых людей в селе стала называть его «отцом» и даже «родным отцом». Особенно любил он играть с маленькими детьми. Они постоянно вертелись в его комнате, кувыркались на кровати, слушали или читали детские книжки, ели конфеты, играли в автомобили, самолеты, танки, пушки... Некоторым детям он покупал книги, учебники, карандаши, линейки. Согласно подсчетам сельских «экономистов», он тратил на своих любимцев немалую часть заработка. Когда эти дети подрастали и женились или выходили замуж, они непременно приглашали его на свадьбу, где он произносил очень весомые и прочувствованные

слова, а заодно преподносил свои подарки – небогатые, но приятные. Если в село приезжали пожилые, почтенные гости и в их честь устраивалось угощение, Гу Яньшаня тоже обычно приглашали и говорили: «Это заведующий сельским зернохранилищем Гу, старый революционер, пришедший к нам с севера!» Его присутствие как бы украшало дом.

Существование Гу Яньшаня стало символом спокойствия, надежности, дружелюбия в жизни села. Если между соседями возникала перепалка из-за кур, уток или по какой-нибудь другой причине, самым веским аргументом в устах спорящих был такой:

– Пойдем к почтенному Гу, пусть он нас рассудит! Уж он тебя отругает так, что вся твоя собачья кровь вытечет...

– А он что, тебе одному принадлежит? Нет, он всему селу голова! Вот если он решит, что я не прав, тогда я подчинюсь...

И Гу Яньшань, весь заросший волосами, с глазами навывкате, охотно разбирался в уличных спорах: кого надо ругал, кого надо уговаривал. Он старался большой спор превратить в маленький, а маленький свести на нет, не дать ссоре разрастись. Если же дело касалось денег, он накладывал на виновного штраф, а кончалось обычно тем, что обе стороны, довольные справедливым решением, старались его отблагодарить.

Когда Гу Яньшань уезжал по делам в уездный город и несколько дней не возвращался, сельчане, готовясь к ужину, беспокойно спрашивали друг друга:

– Вы не видели почтенного Гу?

– Да, уже несколько дней его нет!

– Может, его повысили и забрали от нас?

– Тогда мы всем селом напишем письмо в уезд! Неужели ему у нас никакой должности повыше не найдется?

Почему почтенный Гу по собственной инициативе стал продавать сестрице Лотос рисовые отходы, до сих пор остается загадкой. Этот поступок навлек на него большие неприятности, а он не любил раскаиваться. Потом, когда Лотос объявили кулачкой, он также не отшатнулся от нее, и так все двадцать лет. Но об этом расскажем позже.

В 1963 году из уездного отдела торговли в администрацию рынка Лотосов была прислана бумага, отпечатанная на машинке кроваво-красными иероглифами:

«Нам стало известно, что за последние годы мелкие торговцы вашего села, пользуясь экономическими трудностями страны, в крупных масштабах закупают государственный провиант и извлекают из этого выгоду. Более того, некоторые члены народной коммуны бросают крестьянский труд и готовят па продажу пищевые продукты из незаконно закупленного провианта, разлагая рынок и коллективное хозяйство коммуны. Надеемся, что администрация рынка немедленно разберется в этом вопросе, запретит незаконную деятельность и доложит о результатах в уездный отдел торговли».

На этой бумаге была приписка заведующего отделом финансов: «Согласен», а также резолюция секретаря укома Ян Миньгао: «Вопрос с Лотосами требует внимания». В общем, документ выглядел очень серьезно.

Первым делом этот документ попал к Гу Яньшаню как к председателю рыночного комитета: у местного рынка еще не было официальной дирекции, а только административный комитет, члены которого занимали свои должности по совместительству. Комитет регулировал цены, улаживал всевозможные конфликты и выдавал «Временные разрешения на торговлю». Получив приведенное выше письмо, Гу Яньшань созвал заседание комитета, в котором участвовали налоговый инспектор, председатель сельпо, бухгалтер кредитного товарищества и секретарь партбюро объединенной бригады Ли Маньгэн. Налоговый инспектор предложил позвать еще заведующую столовой, потому что она в последнее время проявляет большой интерес к делам рынка и всего села, но Гу Яньшань сказал, что в этом

нет необходимости: когда в лодке слишком много пароду, она может затонуть; столовая подчиняется сельпо, а председатель сельпо уже присутствует.

Когда Гу Яньшань прочитал бумагу вслух, руководители села зашумели:

– Не иначе как кто-то донес на нас!

– Государство держится на народе, а народ должен питаться, в том числе и лоточники!

– Видно, некоторые получают от государства жалованье, едят крестьянский рис, а чем эти крестьяне питаются, их не больно интересует!

– Недавно всех переположили из-за «контрреволюционного лозунга», теперь прислали эту писульку! Даже курицам и собакам покоя не дают...

Только секретарь партбюро Ли Маньгэн промолчал, чувствуя, что это дело связано с заведующей столовой. Ведь он собственными глазами видел, как она набросилась на Ху Юйинь, а потом вспомнил, что уже сталкивался с ней – у ее дяди Ян Миньгао, который в то время был секретарем райкома. С тех пор эта девица постарела, пожелтела и несколько сморщилась – неудивительно, что он не сразу узнал ее. Ему сказали, что она еще не замужем и все свои силы отдает работе. Действительно, как-то она вместе с Ван Цюшэ и двумя оперработниками созвала «покаянное собрание» вредителей и сверяла их почерки – отсюда было видно, что она не простая штучка. Именно после этого Ван Цюшэ назначили заместителем начальника охраны, даже не спросив согласия парторганизации объединенной бригады. Теперь пришло более чем странное письмо из уезда с резолюцией дяди Ли Госян... Ладно, постепенно разберемся, что к чему! Ни секретарь партбюро, ни другие члены рыночного комитета не подумали, какую дополнительную выгоду может извлечь заведующая столовой из этого письма.

После обсуждения комитет решил исходить прежде всего из центральных документов о рыночной торговле и ликвидировать только незаконные лотки. Поэтому была принята резолюция: поручить налоговому инспектору снова зарегистрировать всех лоточников и по возможности выдать им временные разрешения, а отчет об этом послать в уездный отдел торговли, отдел финансов и секретарю укома Ян Миньгао.

Налоговый инспектор с улыбкой спросил Ли Маньгэна:

– Ну, а твоей названной сестрице Лотос продлевать разрешение или нет? Что по этому поводу думает объединенная бригада?

Ли Маньгэн недовольно сверкнул глазами:

– Названная или не названная, а дела есть дела. Налоги, насколько мне известно, она платит исправно; за вынужденные прогулы возмещает производственной бригаде все, что полагается; в коллективном труде очень активна, как и ее муж. Наша объединенная бригада считает, что ее лоток – это обычный домашний промысел, соответствующий политическому курсу, так что разрешение ей можно продлить.

Председатель Гу Яньшань молча кивнул, соглашаясь с секретарем партбюро.

Когда заседание кончилось, они ненадолго остались вдвоем. Вид у них был озабоченный.

– Земляк, ты чувствуешь, что пахнет жареным? – мягко и в то же время многозначительно спросил Гу Яньшань.

– Конечно. Когда осы нападают на пчелиный улей, спокойной жизни не жди!

Гу Яньшань вздохнул:

– Хорошо, если только этим кончится. А то ведь кусочек мышинного помета может испортить целый котел супа.

– Тут главная надежда на тебя. На тебе все село держится. Если ты не поможешь, пострадает не только сестрица Лотос, но и многие...

– Да, твоя названная сестрица не очень крепко стоит на ногах, но мы постараемся защитить ее... Завтра или послезавтра я поеду в город и поговорю с боевыми товарищами, подумаем, как прогнать этих ос...

* * *

В конце осени заведующую столовой перевели на другую работу – заведующей сектором в уездном отделе торговли. Жители Лотосов облегченно вздохнули, как будто над их головами исчезла тяжелая свинцовая туча. Откуда им было знать, что в то самое время, когда они спокойно спали в своих постелях, на столе секретаря укома Ян Миньгао лежал касающийся их доклад уездного отдела общественной безопасности.

В кабинете секретаря укома горела только настольная лампа, бросавшая на стекло, лежащее на столе, яркий круг света. Ян Миньгао сидел, развалившись в плетеном кресле, и выражение его лица трудно было разглядеть. Он долго думал над докладом, вертел в руках авторучку и набрасывал на листе бумаги схему «клики», о которой ему писали. Когда его толстая авторучка приближалась к имени Гу Яньшаня, он ставил вопросительный знак, еще один, потом зачеркивал их, как бы сомневаясь, колеблясь. Схема «клики» была такой:

Соевая красавица (отец был бандитом, мать – проституткой, сама принадлежит к новой буржуазии).

Ли Маньгэн (секретарь партбюро объединенной бригады, утративший классовую позицию).

Гу Яньшань (зав. зернохранилищем, опустившийся разложенец??).

Цинь Шутянь (реакционный правый элемент).

Налоговый инспектор (классовый враг)

Закончив эту схему, Ян Миньгао еще некоторое время полюбовался ею, затем смял в комок и выбросил в корзинку для бумаг. Почувствовав беспокойство, достал ее оттуда, расправил, чиркнул спичкой и сжег. Его лицо, освещенное лампой, выглядело усталым, веки были припухшими, как у человека, решающего в день тысячи дел. Прежде чем одобрить этот доклад, он долго ходил по бал-копу, разминал затекшую шею, ноги, тер лицо, даже поспал. Наконец он снова взял доклад, поднял тяжелую авторучку, от которой зависели судьбы многих людей, и, взвешивая каждое слово, начертил: «Лотосы – место, где сходятся границы трех провинций, всегда было крепким орешком для политической работы. Обстановка там сложная. Я не решаюсь безоговорочно поддержать версию о „клике“, но не могу и отрицать ее. Компетентные органы должны внимательно следить за этим и при малейшем изменении обстановки докладывать в уком».

Часть II. Обитатели горного села (1964 г.)

Глава 1. Четвертая постройка

Незаметно наступила весна 1964 года. Это была ветреная и дождливая весна, с частыми заморозками, от которых пострадали посевы. Единственный сохранившийся на берегу реки древесный лотос вдруг расцвел, а рожковое дерево,¹⁶ буйно цветущее каждый год, не дало ни одного цветка. Сельчане не знали, к добру ли это. Старики говорили, что такое удивительное событие, как весеннее цветение древесного лотоса, они видели всего три раза: во втором году правления императора Сюаньтуна,¹⁷ когда началась чума – это, конечно, не к добру; в двадцать втором году Республики,¹⁸ когда случилось наводнение и село целых две недели было затоплено – это тоже к бедствию; в 1949 году, когда на юг пришла освободительная армия и прогнала всех деспотов и мироедов – это к добру. А если не расцветает и не дает длинных плоских стручков рожковое дерево, утверждали старики, это сулит скверну, неудачу. В нынешнем году весеннее цветение древесного лотоса совпало с бесплодием рожкового дерева, что означает борьбу воды с огнем, то есть либо крупное счастье, либо неисчислимы бедствия...

По этому поводу все село долго пребывало в беспокойстве, а поскольку на пятнадцатом году революции на базаре трудно было найти гадателя, то решили спросить вредителя Цинь Шутяня, знающего почти все и про землю, и про небо. Но пройдоха Цинь, видно, захотел показать свою прогрессивность, сознательность и завел высокие разговоры о том, что насчет предзнаменований могут рассуждать только люди, не читающие книг, не знающие биологии и генетики. Они сваливают в одну кучу всякие приметы, сведения о стихийных бедствиях и свойствах разных растений и строят на этом мистические теории. В конце концов он даже процитировал слова какого-то крупного революционера о том, что в полуграмотной стране нельзя построить коммунизм, – в общем, устроил настоящее политзанятие, чтобы подчеркнуть свое культурное превосходство, поднять свой престиж и принизить сознательность масс, членов народной коммуны.

Но перемены в мире природы нередко все-таки совпадают со сдвигами в жизни общества. В конце февраля в Лотосы прибыла рабочая группа укома по воспитанию членов коммуны. Руководителем группы оказалась бывшая заведующая столовой. На сей раз она вела себя очень тихо и долгое время почти не обнаруживала себя, поселившись в доме Ван Цюшэ и набираясь опыта у героя земельной реформы, а ныне «современного бедняка». Сельчане всегда относились к таким комиссиям с большим почтением, но в политике разбирались довольно туго. Спокойная, как в мертвой заводи, жизнь, устоявшиеся обычаи и отношения действовали на них отупляюще, точно испытанный наркотик. Даже люди типа Гу Яньшаня или Ли Маньгэна, повидавшие мир, считали, что жизнь идет неуклонно и неторопливо, как скрипучая телега с волом. Вторичное появление Ли Госян они восприняли, конечно, с неудовольствием, но без особого беспокойства. Она здесь гостья, а они хозяева: даже святой, спустившийся с неба, спрашивает дорогу у старожилов, а она не бог весть какая святая, не сумеет навязать им свои порядки. К тому же в этот момент и Гу Яньшань, и Ли Маньгэн были слишком заняты: первый – раздачей семян поливного риса, а второй – организацией весенней пахоты.

¹⁶ Другое название – локустовое дерево. Его «рожки» используются в китайских деревнях как мыло.

¹⁷ То есть в 1910 г.

¹⁸ 1933 г.

Да и для остальных сельчан появление рабочей группы не сразу стало главной новостью, их внимание было сосредоточено на другом: лоточница Ху Юйинь и ее муж строят новый дом. Супруги долго советовались с соседями о плане дома, закупали материал, приглашали мастеров и так хлопотали всю зиму и весну, что даже исхудали. Впрочем, посетители лотка считали, что похудевшая сестрица Лотос выглядит еще красивее, чем прежде. Постоялый двор, доставшийся ей в наследство, был очень стар; она собиралась снести его, но лишь после постройки нового. А новый дом строился рядом, на месте развалюхи, купленной у Ван Цюшэ. Говорили, что Ван уже раскаивался в том, что продал ее за двести юаней, считал, что продешевил, что Ху Юйинь с мужем надули его по крайней мере в полтора раза. Правда, он уже два с половиной года бесплатно питался у ее лотка, но ведь за сто юаней можно было купить тысячу мисок рисового отвара с соевым сыром. Целую тысячу! Даже если бы Ван Цюшэ обладал желудком коровы или лошади, он и то не сумел бы съесть так много. Отсюда видно, что эти торговцы ловят рыбу на длинную леску, считают не на простых счетах, а на железных! Теперь раскаивайся, не раскаивайся, а чужой дом на твоей земле уже построен: весь из зеленого кирпича под зеленой черепицей, стены внутри чисто выбелены. Особенно хорош фасад, выходящий на главную улицу, – совсем как у иностранного дома. На втором этаже два больших окна, а между ними длинный балкон, украшенный резными цветами. Под балконом – крыльцо с каменными ступенями и массивная дверь, покрытая красным лаком. В дверь врезан медный замок европейского типа – словом, дом как бы объединяет в себе достоинства местной и заморской, китайской и западной архитектур.

На всей главной улице Лотосов этот дом мог сравниться только с лавкой местных промыслов, промтоварным магазином и общественной столовой и резко отличался от соседних домов – старых и дряхлых. Это была четвертая по качеству постройка села, а принадлежала она частным лицам! Крестьяне подолгу рассматривали ее, еще не вполне законченную, оценивали, вздыхали. Среди них несколько раз оказывалась и руководительница рабочей группы Ли Госян, которая старательно записывала в блокнот «отклики снизу»:

– Деньги зарабатывать – все равно что иголкой землю ковырять. Не думал, что на рисовом отваре и соевом сыре можно такой дом отгрохать!

– Да он богаче, чем лучшие магазины до революции!

– Конь без ворованной травы не жиреет, а человек без тайных денег не богатеет... На этот дом не меньше двух, а то и трех тысяч ушло.

– Помнишь, как Ли Гуйгуя брали в семью Ху примачом? А теперь оказывается, что ему крупно повезло, непонятно только, за какие заслуги...

– Да, Ху Юйинь – лучшая баба на селе! Не шумела, не кричала, денежки в сберкассах не носила, а видно, где-нибудь в стене между кирпичами прятала...

Когда новый дом закончили, старый еще не снесли, а лотосовое дерево на берегу реки вдруг расцвело весной, Ху Юйинь решила отметить все это угощением для мастеров и самых видных односельчан. Первым делом она отправилась за советом к своему названому брату и секретарю партбюро Ли Маньгэну. Тот ничего не ответил, но и не возражал. Ху Юйинь восприняла это как «молчаливое согласие», принятое в высших сферах, и начала приглашать одного за другим: Гу Яньшаня, налогового инспектора, председателя сельпо, бухгалтера кредитного товарищества, директоров магазинов и самых близких соседей. Почти все согласились, хотя некоторые и отказались под разными предлогами. Затем Ху Юйинь специально пригласила свою бывшую обидчицу Ли Госян и обоих членов ее рабочей группы, но та лишь чинно поблагодарила и сказала, что сейчас, когда обследование еще не развернуто, участие в торжестве было бы нарушением дисциплины рабочих групп. Позднее она обязательно придет посмотреть на новый дом и потолковать... На этот раз Ли Госян вела себя иначе, чем прежде, да и говорила совсем другим тоном – Ху Юйинь была даже растрогана ее приветливостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.